

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3(17)
2018**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2018

*Технический редактор
С. В. Шумов*

*Автор перевода
Я. В. Зайчиков*

*Верстка оригинал-макета:
С. В. Шумов*

*На 4-й полосе обложки
размещена фотография
Е. Осиповой*

*За точность
и добросовестность сведений,
изложенных в статьях,
ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

*Адрес электронной почты:
vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 27.09.2018

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз.
Заказ № 52/3*

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 36а*

**Редакционная коллегия серии
«Юридические науки»**

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>С. Ж. Айдарбаев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>А. А. Богустов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Груздев</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Л. В. Лазарева</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>С. С. Новиков</i>	доктор исторических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>М. Н. Раджабов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

ISSN 2313-6936

Academic journal

BULLETIN

Published since 2014

**3(17)
2018**

OF VLADIMIR STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER ALEXANDER
AND NIKOLAY STOLETOVS

«Law science» edition

Founder Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs»

*The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communication July 28, 2014.*

ПИ № ФС 77-58743

*The journal is included in RSCI system (Russian Science Citation Index)
powered by elibrary.ru*

The journal is peer-reviewed scientific subscription publication

Subscription Index of Russian press Catalogue «Russian post» – 73656

© Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education «Vladimir State
University named after Alexander
and Nikolay Stoletovs», 2018.

Technical editor

S.V. Shumov

Translation:
Y.V. Zaychikov

Lead out of make-up page:
S.V. Shumov

The photo of E. Osipova
is on the 4th cover page

For the correctness
and work ethics
of the information stated
in the articles the authors
are responsible.

Founder address:
600000, Vladimir,
Gorkogo Str., 87

Editorial Office address:
600005, Vladimir,
Studencheskaya Str., 8, 203
e-mail:
vestnikvlgu.pravo@mail.ru
tel.: +7 (4922) 47-76-01

Signed for printing 27.09.2018

Format 60×84/8
Conventional printed sheet 10,5
Circulation 1000 copies
Order № 52/3

Printed by
OOO «Publishing company
”Sherlok-press”»
600001, Vladimir,
Studionaya Gora Str., 36a

Editorial board

of «Law science» edition

- R.B. Golovkin** – Doctor of Law, professor
(Chief Editor)
- M.V. Novikov** – PhD (Law), associate professor
(Deputy Chief Editor)
- S.J. Aydarbaev** – Doctor of Law, professor
- V.M. Baranov** – Doctor of Law, professor
- V.V. Bogatyrev** – Doctor of Law, associate professor
- A. A. Boguslov** – PhD (Law), associate professor
- I.D. Borisova** – Doctor of Law, professor
- N.A. Vlasenko** – Doctor of Law, professor
- V.V. Gruzdev** – Doctor of Law, professor
- O.V. Isaenkova** – Doctor of Law, professor
- A.V. Kudryavcev** – Doctor of Law, associate professor
- L.V. Lazareva** – Doctor of Law, professor
- S.S. Novikov** – Doctor of History,
associate professor
- I.I. Oleynik** – Doctor of Law, professor
- M.N. Radzhabov** – PhD (Law), associate professor
- T.A. Tkachuk** – Doctor of Law, professor
- O.D. Tretjakova** – Doctor of Law, associate professor
- Y.V. Zaychikov** – Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Борисова Ирина Дмитриевна
<i>Философские проблемы в историко-правовом наследии профессора Дмитрия Алексеевича Макеева (презентация монографии Д. А. Макеева, И. Д. Борисовой «София в философии и поэзии русского мыслителя Владимира Соловьева». Владимир, 2018. 78 с.)</i>	7	Borisova Irina D.
<i>Philosophical Problems in the Historical and Legal Heritage of the Professor Dmitry Alekseevich Makeyev (Presentation of the monograph of D. A. Makeyev, I. D. Borisova «Sofia in Philosophy and Poetry of Russian Thinker Vladimir Solovyov». Vladimir, 2018. 78 p.)</i>
Головинская Ирина Викторовна
<i>Концептуальные направления развития уголовного судопроизводства и законодательная регламентация отдельных правовых норм</i>	13	Golovinskaya Irina V.
<i>The Conceptual Directions of Development of Criminal Proceedings and Legislative Regulation of Certain Legal Norms</i>
Головкин Роман Борисович,
Новиков Михаил Васильевич,
Колесникова Юлия Павловна
<i>Методологические и логические основания исследования интерполяции права</i>	22	Golovkin Roman B.,
Novikov Mikhail V.,
Kolesnikova Yuliya P.
<i>Methodological and Logical Foundations of Research the Interpolation of Law</i>
Капусткин Александр Сергеевич
<i>Наградная правовая политика как элемент антикоррупционной политики</i>	31	Kapustkin Aleksandr S.
<i>Award's Legal Policy as an Element of Anti-corruption Policy</i>
Новикова Юлия Олеговна
<i>Особенности правового регулирования формирования резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации (на примере Владимирской области)</i>	36	Novikova Yuliya O.
<i>Features of Legal Regulation Formation of the Reserve of Management Personnel in the Subjects of the Russian Federation (on the Example of the Vladimir Region)</i>
Новиков Дмитрий Сергеевич
<i>Правовое обеспечение проведения миротворческих операций ООН по поддержанию и установлению мира</i>	43	Novikov Dmitrij S.
<i>Legal Support for the Conduct of UN Peacekeeping Operations</i>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ахмедов Микаэль Насреддинович <i>Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве</i>	50	Akhmedov Mikae'l' N. <i>Non-message of Crime in Domestic Criminal Legislation</i>
Вершинина Татьяна Викторовна <i>Последствия нарушения принципа презумпции невиновности при принятии судом промежуточного решения и пути их преодоления</i>	55	Vershinina Tat'yana V. <i>Consequences of a Breach of the Principle of the Presumption of Innocence by the Court in Making an Interim Solution, and How to Overcome Them</i>
Денисенко Леонид Владиславович, Гриненко Александр Викторович <i>Некоторые проблемы применения технических средств в уголовном судопроизводстве</i>	62	Denisenko Leonid V., Grinenko Aleksandr V. <i>Some Problems of Using of Technical Means in Criminal Legal Proceedings</i>
Лазарева Лариса Владимировна <i>Специальные знания как инструмент защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве</i>	66	Lazareva Larisa V., <i>Special Knowledge as a Tool to Protect the Rights and Interests of Citizens in Criminal Proceedings</i>
Самылов Юрий Валентинович <i>Проблемы защиты прав и свобод человека в административном судопроизводстве</i>	71	Samy'lov Yuriy V., <i>Problems of the Protection of Human Rights and Freedoms in Administrative Proceedings</i>
Цветкова Елена Владимировна <i>Проведение судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних на стадии возбуждения уголовного дела</i>	80	Czvetkova Elena V. <i>Conducting Forensic Examinations of Minors at the Stage of Initiating a Criminal Case</i>
<i>Сведения об авторах</i>	84	<i>Information about authors</i>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 32.001(091); 340.1(091)

Борисова Ирина Дмитриевна

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ
ПРОФЕССОРА ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МАКЕЕВА
(презентация монографии Д. А. Макеева, И. Д. Борисовой
«София в философии и поэзии русского мыслителя
Владимира Соловьева». Владимир, 2018. 78 с.)**

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу религиозно-философского учения русского мыслителя В.С. Соловьева, отмечен египетский след в формировании его мистических взглядов о Софии, концепции единства космического и земного мира. Внимание уделено проявлению философско-мистических идей философа-идеалиста в его научном и поэтическом творчестве. Внимание уделено публицистике и поэзии философа В. С. Соловьева, его общественно-политическим оценкам состояния и перспектив нравственно-правового развития человеческого общества в условиях роста социальных потрясений в последней трети XIX века.

Ключевые слова: Софийская философия, единство космического и земного мира, философско-мистические идеи, нравственно-правовое развитие человеческого общества, теософский период, теургический период в творчестве В. Соловьева.

Borisova Irina D.,

**PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN THE HISTORICAL AND LEGAL HERITAGE
OF THE PROFESSOR DMITRY ALEKSEEVICH MAKEYEV
(Presentation of the monograph of D. A. Makeyev, I. D. Borisova
«Sofia in Philosophy and Poetry of Russian Thinker Vladimir Solovyov».
Vladimir, 2018. 78 p.)**

Abstract. The present work is devoted to the analysis of the religious and philosophical doctrine of the Russian thinker V. S. Solovyov, the Egyptian trace in the formation of his mystical views on Sofia, the concept of unity of the cosmic and earthly world is noted. Attention is paid to the manifestation of philosophical and mystical ideas of the idealist philosopher in his scientific and poetic work. Attention is paid to the journalism and poetry of the philosopher V. S. Solovyov, his socio-political assessments of the state and prospects of moral and legal development of human society in the conditions of growth of social upheavals in the last third of the XIX century.

Key words: Sofia philosophy, the unity of the cosmic and earthly world, philosophical and mystical ideas, moral and legal development of human society, theosophical period, theurgical period in the works of V. Solovyov.

Одна из последних исследовательских работ доктора исторических наук, профессора Дмитрия Алексеевича Макеева, проведенная в соавторстве

с доктором юридических наук, профессором И. Д. Борисовой, была посвящена наследию мыслителя, философа-идеалиста, поэта, публициста и критика Владимира Сергеевича Соловьева

(1853–1900), который является ярким представителем русской общественной мысли и культуры.

В. С. Соловьев оставил незабываемый след в истории философии конца XIX – начала XX столетий, стал автором учения о Софии, концепций о богочеловеке, всеединстве, «теократической миссии» России. В его философских трудах отразился поиск путей к познанию мироустройства, истоков формирования мировоззрения человечества, духовной нравственности, единения духовного и земного мира. Не менее важное место в его творческой деятельности заняли политико-правовые и исторические идеи о развитии государства и человеческого общества, проблемы косметизма, истории религии, отношений между цивилизациями. В. С. Соловьев известен и как талантливый публицист, его перу принадлежит ряд актуальных публицистических статей, литературно-критических очерков и поэтических произведений. По своему влиянию на общественную мысль и культуру России начала XX в. творчество В. С. Соловьева заняло видное место. Современники причисляли его к числу зачинателей символизма в русской поэзии, видели в нем «Пушкина в русской философии» и предвестника Серебряного века. По признанию литературного критика А. Н. Бенуа, с именем В. Соловьева связана эпоха, когда проза повседневности заменялась поэтической идеей просветления «всей жизни и человека красотой». Только за возвышенным искусством интеллектуалами признавалась способность познания высших сфер жизни.

Обращаясь к истокам творчества В. С. Соловьева, профессор Д. А. Макеев отмечает, что он воспитывался в рели-

гиозной семье выдающегося русского историка Сергея Михайловича Соловьева. С детских лет его привлекали религиозно-мистические книги. В гимнастические годы у него пробудился интерес к сочинениям представителей философской мысли. Познавательный интерес окреп во время его учебы на естественном отделении физико-математического факультета, а затем на историко-филологическом факультете Московского университета. После окончания университета в 1873 г. Соловьев был оставлен при кафедре философии для приготовления магистерской диссертации. Переселившись в том же году в Сергиев Посад, В. Соловьев на протяжении 1873/74 учебного года в качестве вольнослушателя посещал лекции по богословию в Московской духовной академии.

Молодого Соловьева увлекала лирика А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, проза Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, критика и публицистика В. Г. Белинского и Д. И. Писарева, сочинения славянофила А. С. Хомякова. В студенческие годы В. С. Соловьев зачитывался религиозно-философскими работами Спинозы и Шеллинга, сочинениями гностиков средневековья, трудами немецких философов Гегеля, Канта, Фихте. Его увлекала религиозно-мистическая литература о Софии Премудрости Божией. Знания об образе, обожествляющем основы мира, он черпал из трактатов древних мыслителей Индии, Египта, Греции. Возрастал интерес В. Соловьева к истории Церкви, какое-то он время увлекался мистикой и спиритизмом.

Знакомство с трудами гностиков и европейских мистиков во время за-

граничной командировки оказало значительное влияние на формирование философских взглядов молодого В. Соловьева. Не ослабевал его интерес к религиозно-мифологической литературе о Софии. В иудаистских и христианских трактатах понятие «София» имело личностный облик, воспринимаемый как символ Бога (или как бы Бога), как олицетворение божественной сущности. В греческой мифологии понятие «София» приобрело значение начала (основания, первоначала, изначальности). В раннюю эпоху христианства представление о Софии сближалось с ликом Иисуса Христа, определялось как «божия сила и божия премудрость», оно стало увязываться с идеей об общности человечества. В латинском христианстве термин «София» стал синонимом понятия «Церковь». На Русь христианство пришло из Византии под символом Святой Софии, т. е. «премудрости божией». Софии на Руси были посвящены четыре храма – в Киеве, Новгороде, Полоцке и Тобольске. На русской почве складывалась софийская иконография. Образ Софии в византийско-русской традиции, как и в католической традиции, сближался с ликом девы Святой Марии как «просветленной твари», и становился символическим обликом, облагораживающим космос¹.

Авторы утверждают, что на протяжении всех лет своей сознательной

деятельности В. С. Соловьев был одержим мистическим образом Софии, воплотившим «вечную женственность». Прямо или косвенно понятие «София» прошло через все его творчество. Этому понятию русский мыслитель придавал множество философских символов, отразив основной его смысл в философском учении, и наиболее ярко – в своих поэтических сочинениях. Соловьев продолжил развивать гуманистические положения историософской концепции своих предшественников, глубоко обосновывая единение космического и земного, воплощаемое во «вселенскую культуру».

На протяжении длительного времени философское учение о Софии Премудрости Божией В. С. Соловьева, нашедшее отражение в трудах русских мыслителей XX в., сохраняло свою привлекательность среди интеллектуальной общественности. Оно и ныне не утратило способности обогащать сознание людей верой в добро и прогресс земного мира, обладает способностями быть полезным в достижении гармонии отношений человечества и природы, единению народов различных рас и верований, в освобождении их от различных язв действительности. С преодолением безнравственности и духовного упадка возможно избавление людей Запада и Востока от расизма и национального самодовольства, от межрелигиозных раздоров и ложных отношений между церковью и государством. Весь творческий путь В. С. Соловьева как выдающегося мыслителя, совпавший с периодом становления русской интеллигенции в качестве влиятельного социального слоя, может служить подтверждением этих истин.

¹ Ахунзянова Ф. Т. Специфика русского религиозного сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. ; Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009 ; Мифы народов мира : Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М., 2003. С. 464–465 ; Новиков М. Соловьев Владимир, философ: биография и сочинения. URL: <http://fb.ru> (дата обращения: 05.07.2017).

Философским и поэтическим творчеством, добрым отношением ко всему прекрасному В. С. Соловьев развернул русскую философию к религиозному мирозерцанию, оставив светлую память в истории русской общественной мысли. Он становится признанным авторитетом в русской религиозной философии, положив начало росту ее популярности.

Авторы отмечают, что под влиянием философских трудов В. С. Соловьева представители российской общественной мысли, разочарованные в нигилизме, позитивизме, социализме и марксизме, увлеклись идеями христианской философии, идеями софиологии, богочеловечества, этики, эсхатологии. Около 1908 г., отмечает исследователь истории русской философии Виктор Аксючиц, в Петербурге по инициативе Н. А. Бердяева, в Москве при участии С. Н. Булгакова и в Киеве по воле философов Духовной академии было образовано религиозно-философское общество, которое организовывало публичные лекции, собрания и дискуссии. Московское общество называлось «Памяти Владимира Соловьева». В 1910 г. религиозно-философское общество создало издательство «Путь», главной задачей которого стала критика марксизма и позитивизма, рационализма Гегеля и Канта.

Среди последователей авторитетного религиозного философа В. С. Соловьева был известный философ и богослов, священник П. А. Флоренский. Вслед за Соловьевым им продолжилась разработка софиологии, учения о Софии тварной, одухотворяющей тварный мир. В Софии Флоренский видел «идеальную личность мира», мудрость целостного мира, «актуальную бесконечность». В труде «Столп и утверждение Истины»,

опубликованном издательством «Путь» в 1914 г., Флоренский представил научное изучение истории образа Софии, оригинальностью отличались его историко-философский и иконографический экскурсы. Смерть в большевистском лагере оборвала творчество этого глубокого мыслителя.

Софиология заняла достойное место в творчестве религиозного философа С. Н. Булгакова. В работе «Свет невечерний» (1917) к Софии он применил антитезы «абсолютного и относительного, вечного и временного, Божественного и тварного». Заметный вклад в развитие софиологии внесли Л. Н. Лосский, С. Л. Франк и другие религиозные философы. Но софиология никогда не признавалась православными богословами. В 1935 г. Московской патриархией и Архиерейским собором Русской зарубежной церкви софиология была осуждена, признана ересью¹.

С именем В. С. Соловьева был связан расцвет русской философии и культуры в предреволюционные годы начала XX в. С. Н. Булгаков относил Соловьева к лучшим представителям русского ума и гения, составивших гордость русской нации, к тем, «которые остались духовно с народом в его мужицкой церкви, и во всяком случае не отделялись от него в верованиях в живого Бога»². В. С. Соловьев как глубоко преданный культуре и вере своих предков русский интеллигент представляет образец верности и почтения своего, национального прошлого. В труде «Русская идея» Соловьев заметил: «Забвение тех чувств, которые на-

¹ Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия. СПб., 2010. 304 с.; Трубецкой Е. Личность В. С. Соловьева // Наше наследие. 1988. № 2. С. 75.

² Булгаков С. Н. Указ. соч.

роды должны питать к религиозному прошлому человечества, было бы плохим предзнаменованием для будущего этого последнего»¹.

Религиозно-философское учение В. С. Соловьева, по мнению авторов, его идеи о свободе личности в социально-правовом государстве оказали большое влияние на развитие русской философии права и юриспруденции. По признанию исследователей философского наследия и биографов русского мыслителя, В. С. Соловьев относился к наиболее рациональной части русской интеллигенции, находившейся в поисках путей к общественно-политическому и правовому обустройству России. Он выступал за недопущение возбуждения среди людей национальной и религиозной вражды, противоречащей христианству и способной привести общество к «нравственному одичанию». На заре новейшего времени В. С. Соловьев выражал тревогу по случаю заметного упадка «гуманных чувств и слабости юридического начала в нашей жизни»². Гарантом охраны интересов граждан могли стать государство и законы. Правовое принуждение, по мысли Соловьева, не может быть добродетельным.

Нравственные правопонимания В. С. Соловьева оказали заметное влияние на правосознание философов Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, А. И. Бердяева, И. А. Ильина, правоведов П. Н. Новгородцева и Б. Н. Вышеславцева, на общий ход и содержание дискуссий по вопросам взаимоотношений церкви и государства периода «религиозного ре-

нессанса» российской интеллигенции. В начале XX в. в историческом измерении право воспринималось «исторически-подвижным определением необходимого равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» и в целях нравственного прогресса общества³.

Авторы отмечают, что В. С. Соловьев не дожил до Русско-японской войны 1904–1905 гг., первой русской революции 1905–1907 гг. и до начала Первой мировой войны. Но он предчувствовал приближение этих событий. С именем В. С. Соловьева был связан религиозно-философский ренессанс начала XX в. Вера в торжество добра и всеединства всех добрых сил отразилась на творчестве В. С. Соловьева. К сожалению, на протяжении долгого времени наследие выдающегося мыслителя оставалось полураскрытым в истории российской общественной мысли. В изданиях советских времен Соловьев представлялся философом-идеалистом, богословом, а его религиозно-философские взгляды противопоставлялись материалистической философии русских революционных демократов. В. С. Соловьев жил в эпоху утраты веры в высокое предназначение и светлое будущее человечества. Это было время, обнажившее различия между идеальными представлениями и действительностью, противоречия между индивидуальными и общественными идеалами. Будущее представлялось порой мистическими формами, отразившими-

¹ Политико-правовые взгляды В. С. Соловьева. URL: <http://www.bibliotekar.ru> (дата обращения: 17.06.2017).

² Там же.

³ Правосознание российской интеллигенции конца XIX – начала XX века. URL: <http://mirznani.com> (дата обращения: 07.07.2017); Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Право, религия, нравственность и Абсолютное Добро в творчестве В. С. Соловьева // Genesis: ист. исслед. 2014. № 6. С. 187–198.

ся в творчестве поэтов-символистов, в философских учениях о космическом разуме, всеединстве и бесконечности действительности. В своем философском учении В. С. Соловьев затронул почти все стороны человеческой деятельности. Настроения, охватившие российское общество в последней трети XIX в., конечно, сказывались на его философских воззрениях, определили научные и творческие поиски. В. С. Соловьев занял достойное место в истории общественной мысли России. Находясь у истоков «духовного возрождения», он оказал влияние на развитие русской религиозной философии. Его размышления о духовно-нравственных, эстетических и социальных

идеалах и ценностях, о судьбах России с проблемой взаимоотношений Запада и Востока нашли своих последователей, и многие годы сохраняли свою актуальность. Мысли В. С. Соловьева как представителя классической русской философской мысли конца XIX – начала XX в. оказали существенное влияние на познание эволюции европейской социальности и культуры.

Результаты исследования творческого наследия В. С. Соловьева Д. А. Макеевым и И. Д. Борисовой были опубликованы в монографии «София в философии и поэзии русского мыслителя Владимира Соловьева», вышедшей в 2018 г., к сожалению, уже после ухода из жизни Д. А. Макеева.

Библиографический список

1. Ахунзянова Ф. Т. Специфика русского религиозного сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века / Ф. Т. Ахунзянова // Интеллигенция и мир. – 2015. – № 2. – С. 84–99.
2. Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия / С. Н. Булгаков. – СПб : Сатисъ, 2010. – 304 с.
3. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 617 с.
4. Романовская В. Б. Право, религия, нравственность и Абсолютное Добро в творчестве В. С. Соловьева / В. Б. Романовская, Л. Р. Романовская // Genesis: ист. исслед. – 2014. – № 6. – С. 187–198.

References

1. Akhunzyanova F. T. The Specifics of the Russian Religious Consciousness in the Reflection of the Intelligentsia of the Early Twentieth Century. *Intelligenciya i Mir*. 2015. No. 2. P. 84–99.
2. Bulgakov S. N. Intellectuals and Religion. SPb., Satis", 2010. 304 p.
3. Losev A. F. Vladimir Soloviev and His Time. M., Molodaya Gvardiya, 2009. 617 p.
4. Romanovskaya V. B., Romanovskaya L. R. Law, Religion, Morality and the Absolute Good in the Works of V. S. Solovyov. *Genesis: Istoricheskie Issledovaniya*. 2014. No. 6. P. 187–198.

Головинская Ирина Викторовна

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с оптимизацией процессуальных сроков расследования и разрешения уголовных дел, а также о полномочиях субъектов в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: процессуальные сроки, принципы уголовного процесса, назначение уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства, суд, упрощенные производства, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве.

Golovinskaya Irina V.

**THE CONCEPTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS
AND LEGISLATIVE REGULATION OF CERTAIN LEGAL NORMS**

Abstract. The article deals with issues related to the optimization of procedural deadlines for the investigation and resolution of criminal cases, as well as the powers of the subjects in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement.

Key words: procedural deadlines, principles of criminal procedure, appointment of criminal proceedings, reasonable term of criminal proceedings, court, simplified proceedings, special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the accusation brought against him, pre-trial cooperation agreement.

Основными ориентирами в развитии уголовного процесса служат его общие цели, определенные в ст. 6 базового документа в данной сфере правоотношений – УПК РФ. К таковым отнесены: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Формирование современной доктрины уголовного судопроизводства происходит в условиях динамичных преобразований в социально-экономических и политических сферах государства и общества.

Между тем следует признать, что единой концепции развития уголовного судопроизводства на сегодня не выработано. Не усматривается официальное доктринальное видение как досудебного, так и судебного производства по уголовным делам. Теоретики, практики, законодатель ищут пути наиболее оптимальной концепции развития уголовного процесса.

Анализируя различные дополнения и изменения, можно прийти к выводу о том, что уголовно-процессуальный закон ориентирован не только на защиту прав и интересов граждан, но и, что весьма значимо, на более быструю реализацию их законных гарантий.

В этой связи основными направлениями развития уголовного процесса видятся такие, как ускорение производства по уголовным делам; его гуманизация; дифференциация производств; обеспечение условий для объективного и независимого принятия судебных решений.

Вышесказанное подтверждается принятыми федеральными законами, изменяющими и дополняющими нормы УПК РФ. Ускорение является не последней составляющей в доктрине уголовного судопроизводства. Причем ускорение в данном контексте подразумевает как оптимизацию отдельных процессуальных действий уполномоченных на их выполнение субъектов, так и оптимизацию видов производств в досудебной и в судебной частях производства по уголовным делам. Наряду с введением упрощенных производств в уголовно-процессуальное законодательство включены нормы о допустимости производства ряда следственных действий до возбуждения уголовного дела. Производство расследования дополнено институтом дознания в сокращенной форме. В досудебной части производства расширена сфера действия института прекращения уголовного дела **или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Система мер пресечения пополнилась новой мерой в виде запрета определенных действий. Перечень участников уголовного процесса дополнен лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.**

В целях усиления гарантий прав участников процесса сфера действия института присяжных заседателей распространена на суды районного уровня. Изменена система судов, рассматривающих решения по уголовным делам в порядке апелляции, кассации, надзора. В судебном производстве предусмотрены упрощенные процедуры. Введение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, являющегося упрощенной процедурой судебного производства, стало прологом введения следующей упрощенной процедуры – особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Все эти направления весьма значимы. Однако для эффективности уголовного судопроизводства важным остается качественное их наполнение.

Предпринято немало шагов для развития уголовно-процессуальных отношений, но в силу противоречивости и непоследовательности введения ряда норм в УПК РФ проблематично назвать этот процесс всецело концептуальным. Порой наблюдается точечное редактирование текста УПК РФ. Изучение различных предложений приводит к выводу об их разноплановости, отсутствии общего вектора в законотворчестве.

Наличие различных недостатков введенных правовых норм подтверждает предположение о том, что концептуальной составляющей развития уголовно-процессуальных отношений является поиск оптимальных процессуальных действий, процедур и институтов, способных дифференцированно усовершенствовать уголовный процесс, обеспечивать рациональное расходова-

ние сил и средств в ходе производства по уголовным делам, соблюдение баланса интересов участников уголовного процесса на условиях всемерной реализации уголовно-процессуальных принципов, а также минимизировать процессуальные сроки расследования и разрешения уголовных дел. Именно – поиск. Поскольку значительное количество нововведений объективно нуждается в доработке.

Так, наряду с введением новых полномочий субъектов и новых видов производств, ориентированных на более скорое расследование и разрешение уголовного дела, в 2010 г. УПК РФ пополнился новым принципом разумного срока уголовного судопроизводства. Примечательно, что с момента введения ст. 6.1 УПК РФ ее содержание редактировалось законодателем уже четырежды федеральными законами. Вместе с тем и сегодня нельзя признать редакцию этой статьи безупречной. Такое утверждение касается как отнесения содержания указанной правовой нормы к системе принципов уголовного процесса, так и самого ее содержания. Острой критике подвержено положение о наделении председателя суда дополнительными полномочиями по рассмотрению заявления лица об ускорении рассмотрения уголовного дела и вынесению мотивированного постановления по итогам его рассмотрения, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела, что само по себе, во-первых, противоречит принципу независимости судей, закрепленному в ст. 8.1 УПК РФ, во-вторых, не находит отражения в со-

ответствующих нормах о процессуальном статусе председателя суда.

Говоря об ускорении производства по уголовным делам, т. е. о сокращении сроков, следует признать, что ряд мер, предпринятых в указанном направлении, доказал свою эффективность. Так, свыше 66 % уголовных дел из окончанных производством судами общей юрисдикции рассматриваются в особом порядке производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, что, несомненно, подтверждает востребованность данного правового института. Все активнее применяется особый порядок рассмотрения уголовного дела судом при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Известно, что в уголовном процессе не установлен предельный срок нахождения уголовного дела в суде (срок его рассмотрения и вынесения итогового решения). Между тем данные статистики свидетельствуют о том, что нередко по различным причинам период рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции принимает затяжной характер. Достаточно продолжительные сроки рассмотрения дел в судах, как видится, указывают на необходимость разработки новых эффективных механизмов разрешения дел без ущерба качеству производства по ним.

Авторами научных работ неоднократно высказывались самые различные предложения, направленные на совершенствование судопроизводства в целом и сроков рассмотрения уголовных дел, в частности. Сегодня особый порядок может применяться по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных УК РФ, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Следовательно, особый поря-

док не распространяется на производство по уголовным делам в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Возможное наказание виновному назначается в пределах двух третей от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Как было сказано выше, особый порядок не распространяется на производство по уголовным делам в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Зададимся вопросом о том, почему такая категория, как особо тяжкие преступления была выведена законодателем за скобки данного института. Возможно, законодатель руководствовался опасением допущения судебной ошибки при рассмотрении дел в особом порядке, возможно – принципом справедливости наказания: его назначение не должно зависеть от выбора порядка судопроизводства, по крайней мере, за совершение преступлений, отнесенных к категории особо тяжких. Возможно. И в некоторой степени такое положение было вполне оправданно до определенного времени.

Однако с введением в УПК РФ гл. 40.1 «Досудебное соглашение о сотрудничестве» вышеназванные аргументы видятся несостоятельными. Сегодня лицо может заключить досудебное соглашение, если оно совершило, в том числе и преступление, отнесенное УК РФ к категории особо тяжких. При этом заметим, что данный институт в первую очередь и был рассчитан на применение его в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Заключение досудебного соглашения и выполнение обвиняемым его условий

гарантирует лицу рассмотрение его уголовного дела судом в особом порядке, и снижение наказания по правилам ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ. Более того, по усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 УК РФ могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

Таким образом, лицо может обвиняться в совершении особо тяжкого преступления, при этом уголовное дело в отношении его может быть рассмотрено в особом порядке, и наказание может быть значительно снижено либо вообще лицо может быть освобождено от его отбывания (в отличие от наказания, назначаемого по правилам гл. 40 УПК РФ).

В этой связи возникает вопрос о целесообразности распространения особого порядка постановления приговора без судебного разбирательства на все категории преступлений, включая и особо тяжкие. Представляется, что после введения института досудебного соглашения о сотрудничестве не только можно, но и целесообразно это сделать. Если существует обеспокоенность по вопросу справедливости назначения наказания в данной ситуации, то здесь можно сказать следующее: во-первых, на рассмотрение уголовного дела в особом порядке должно быть получено согласие двух важнейших субъектов уголовного процесса – прокурора и судьи. Каждый из них, в том числе и безмотивно, может отказать в удовлетворении ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Это исключает императивность требований стороны защиты о рассмотрении дела в данном порядке в целях избе-

жания назначения лицу более строгого наказания. Во-вторых, если все же остаются сомнения в справедливости применения особого порядка к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, и назначения им наказания в пределах двух третей от максимально возможного, то вполне допустимо было бы определить подсудимому наказание, которое не могло бы превышать три четверти максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, как это было изначально установлено при введении в уголовный процесс особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Наряду с вышесказанным, целесообразно предусмотреть исключения из данного порядка, в том числе, например, по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, а также о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Думается, что в пользу целесообразности распространения действия института особого порядка на производство в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, говорит и то, что заявление обвиняемого о том, что он не желает оспаривать предъявленное обвинение и ходатайствует о производстве расследования и судебного рассмотрения дела в особом порядке значительно бы снизило риски для стороны обвинения, связанные с поддержанием обвинения в суде, и постановлением приговора.

Заметим, что Правительством Российской Федерации был внесен проект

Федерального закона № 321865-6¹, согласно которому предлагалось распространить особый порядок судебного разбирательства на уголовные дела о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 15 лет лишения свободы, за исключением ряда преступлений.

Авторы законопроекта апеллировали к тому, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве действующие нормы УПК РФ допускают возможность в особом порядке рассматривать все категории дел, включая уголовные дела об особо тяжких преступлениях. Однако лицо, обвиняемое в особо тяжком преступлении, которое не может оказать содействие следствию в силу того, что преступление совершено одним лицом, находится в худшем положении по сравнению с теми, кто совершил особо тяжкое преступление в составе организованной группы и поэтому располагает сведениями об иных участниках преступления и соответственно может ходатайствовать о заключении досудебного соглашения. Руководствуясь указанным доводом, авторы законопроекта предлагали предоставить таким обвиняемым равные права.

Как представляется, принятие данного законопроекта значительно бы снизило расходы бюджетных средств, связанных с рассмотрением дела по существу, в том числе с вызовами в суд участников уголовного судопроизводства. Кроме того, распространение сферы действия такого порядка судопроизводства

¹ Проект Федерального закона № 321865-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производства на значительное количество уголовных дел позволило бы существенно снизить нагрузку на суды, и, следовательно, сократить сроки производства по уголовным делам: рассматриваемым и в особом порядке и, как следствие, – по уголовным делам, по которым особый порядок заявлен не был. Наряду с вышесказанным, можно предположить, что сокращение трудовых и временных затрат на рассмотрение уголовных дел в особом порядке позволило бы перераспределить их на подготовку и рассмотрение уголовных дел в общем порядке, что обеспечило бы улучшение качественных показателей деятельности судов.

Однако Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству дано отрицательное заключение по данному законопроекту. Впоследствии он был отклонен. Представляется, что аргументы, высказанные не в пользу расширения действия института особого порядка, не вполне состоятельны, хотя бы потому, что рассмотрение уголовных дел в особом порядке в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве не предполагает никаких исключений относительно вида преступлений. Компромиссным выходом из создавшейся ситуации могло бы быть составление перечня составов преступлений, дела по которым не могли бы быть рассмотрены судами в особом порядке, о чем говорилось выше.

Представляется, что вопрос о расширении сферы действия особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением ждет своего решения. Актуальность его сегодня очевидна.

Со сроками производства по уголовным делам связано и еще одно положение. По правилам УПК РФ, обвиняемый вправе заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке либо в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании. Однако, как подтверждают опросы сотрудников следственных органов и защитников, в подавляющем большинстве случаев лица еще на предварительном следствии соглашались с рассмотрением их уголовных дел в особом порядке. Предоставление обвиняемому права согласиться с предъявленным обвинением и заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в стадии предварительного расследования (до окончания расследования и ознакомления с материалами уголовного дела) позволило бы не только значительно снизить и без того чрезмерную нагрузку на следователей, упростить формальную процедуру расследования, уменьшить количество производимых экспертиз (в том числе и дорогостоящих), направления запросов и т. п., сократить сроки производства по уголовным делам в досудебной части уголовного процесса и сроки содержания лиц под стражей, снизить судебные издержки, а также сократить период от совершения преступления до назначения заслуженного наказания и его исполнения.

Указанные предложения коррелируют с еще одной проблемой – чрезмерной заформализованностью деятельности органов расследования, многократно увеличивающей сроки производства по уголовным делам. Избыточность требований к производству расследования влечет

неоправданные и нерациональные временные и трудовые затраты. В этой связи представляется целесообразным введение сокращенной формы расследования преступлений, по которым лицо признает факт его совершения. Это должен быть институт, принципиально отличный от особого порядка рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Если применение гл. 40 УПК РФ в первую очередь рассчитано на сокращение сроков рассмотрения уголовных дел в судах, то предлагаемый институт должен экономить время в досудебной части производства. Основным его отличием должно стать расследование с минимально достаточным набором следственных действий в отношении конкретного лица, признающего факт совершения противоправного деяния.

Сегодня есть необходимость в пересмотре и реорганизации полномочий следственных органов и контролирующих их деятельность органов прокуратуры. Представляется, что процесс заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым обусловлен чрезмерными полномочиями прокурора, выходящими за рамки надзорных функций. Заключая досудебное соглашение о сотрудничестве, отказывая в этом, вынося постановление об изменении действия досудебного соглашения о сотрудничестве и составляя новое досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, по сути, выполняет функции расследования уголовного дела, что противоречит нормам уголовного процесса о недопустимости возложения различных функций на один и тот же орган. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следова-

тель уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. Между тем деятельность прокурора в данной сфере правоотношений непосредственно влияет на выбор органами следствия способов раскрытия преступления, расследования уголовного дела, снижает тем самым степень самостоятельности следователя. Кроме того, значительно затрачивается время на согласование между органами следствия и прокурором вопросов по заключению, изменению или прекращению действия досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрению жалоб на отказ следователя в заключении такого соглашения, что не может не отразиться на увеличении сроков производства по уголовному делу. В этой связи с целью ускорения судопроизводства по уголовным делам, усиления эффективности расследования преступлений, разделения функций участников уголовного процесса видится целесообразным оптимизировать полномочия прокурора, следователя и руководителя следственного органа. Полагаем, что все вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, отказа в этом, составления постановления об изменении действия досудебного соглашения о сотрудничестве или о прекращении его действия должны быть отнесены к компетенции руководителя следственного органа. Устранение избыточных согласований указанных вопросов с прокурором высвободит время следователя, так необходимое ему для расследования уголовного дела. Такое перерас-

пределение надзорных полномочий не повлияет на снижение гарантий прав лиц, ходатайствующих о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. К тому же заключение досудебного соглашения о сотрудничестве является правом, а не обязанностью следственных органов, и даже суд не уполномочен заставить следственный орган заключить такое соглашение. Следователь как лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, руководитель следственного органа вполне компетентны разрешить вопросы, касающиеся заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Изменение уголовного судопроизводства в сторону его ускорения при сохранении высокого уровня гарантий прав участников процесса – задача сложная, комплексная, безусловно, включающая и многие другие, в том числе и структурные, преобразования. Вместе с тем высказанные предложения могли бы уже сейчас отчасти способствовать решению названной задачи без изменения структуры следственных и надзирающих органов.

Еще одним проблемным вопросом в плане концептуальных преобразований уголовного процесса является вопрос о стадии возбуждения уголовного дела, в буквальном смысле о ее судьбе: оставаться ли ей в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса в неизменном или измененном виде, или же прекратить свое существование.

С принятием Концепции судебной реформы 1991 г. обострилось внимание процессуалистов к данной проблеме. Текст Концепции содержал положения, ставящие под сомнение необходимость данной стадии, целе-

сообразность ее выделения в самостоятельную стадию.

Результатом всплеска интереса к проблемам стадии возбуждения уголовного дела стали многочисленные круглые столы, конференции, масса публикаций ученых и практических работников. Изучение соответствующих материалов позволяет сгруппировать мнения в зависимости от вносимых предложений.

Одна группа ученых отстаивает точку зрения о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела.

Представители другой группы ученых придерживается мнения о целесообразности ее сохранения, или предлагают, сохранив данную стадию, внести изменения в ряд норм, ее регламентирующих, и отказаться от ее усложнения и превращения в «квази-расследование» до предварительного расследования.

Весомым аргументом в пользу сохранения стадии возбуждения уголовного дела выступает невозможность точно определить квалификацию деяния без проведения достаточных проверочных действий сообщения о преступлении, и, соответственно, определить подследственность.

Сегодня отрицать существующие проблемы в стадии возбуждения уголовного дела бессмысленно. Эти проблемы есть и их не мало.

Так, вопросы о сроках возбуждения уголовного дела и в целом о сроках производства по нему в досудебной части уголовного процесса, а также о доступе граждан к правосудию и защите их прав, свобод и законных интересов находятся в тесной связи с институтом отказа в возбуждении уголовного дела. Регламентация процесса вынесения

постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и об отмене такого постановления указывает на то, что количество отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела УПК РФ не устанавливает. Другими словами, процедура вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и постановления об отмене названного постановления может повторяться многократно.

Безусловно, сложившаяся ситуация не может свидетельствовать о соблюдении положений ст. 6 и 6.1 УПК РФ о назначении и разумном сроке уголов-

ного судопроизводства. Проблема ждет своего разрешения. Представляется, что ее решение должно быть связано с ограничительными нормами в части конкретизации сроков, полномочий субъектов по принятию подобных решений и их количества.

Многие проблемы в области уголовного процесса требуют широкого обсуждения. Думается, высказанные предложения в определенной степени могут быть полезны в дальнейших дискуссиях о концептуальных направлениях развития уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Головинская И. В. Некоторые аспекты и тенденции развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных реалий / И. В. Головинская М. М. Головинский // Пенитенциар. право: юрид. теория и правоприм. практика. – 2016. – № 2. – С. 106–112.

2. Головинская И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве : монография / И. В. Головинская, М. М. Головинский. – Владимир : ВИТ-принт, 2011. – 192 с.

References

1. Golovinskaya I. V., Golovinskij M. M. Some Aspects and Development Trends of Criminal Law and Criminal Procedural Realities. *Penitenciarno Pravo: Yuridicheskaya Teoriya i Pravoprimitel'naya Praktika*. 2016. No. 2. P. 106–111.

2. Golovinskaya I. V., Golovinskij M. M. Pre-trial Cooperation Agreement. Vladimir, VIT-print, 2011. 192 p.

УДК 340.1

**Головкин Роман Борисович,
Новиков Михаил Васильевич,
Колесникова Юлия Павловна**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРПОЛЯЦИИ ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию методологии интерполяции права. Авторы анализируют общие и специальные свойства методологии изучения логических оснований интерполяции права в связи с законами логики.*

***Ключевые слова:** право, интерполяция права, законы логики, закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего, закон достаточного основания, методология, методы, логические основания.*

**Golovkin Roman B.,
Novikov Mikhail V.,
Kolesnikova Yuliya P.**

METHODOLOGICAL AND LOGICAL FOUNDATIONS OF RESEARCH THE INTERPOLATION OF LAW

***Abstract.** The article is devoted to the methodology of interpolation law. The paper analyzes general and special properties, methodology of studying of the logical basis of the interpolation law in connection with the laws of logic.*

***Key words:** law, the interpolation of law, the laws of logic, the law of identity, law of contradiction, the law of exclusion of the third, the law of sufficient reason, methodology, methods, logical reasons.*

Социальный прогресс во многом обусловливается стабильностью и устойчивостью общественных связей. Стабилизация и упорядочение отношений в обществе достигаются при помощи средств социально-нормативного регулирования. Сложность социальных связей, их динамика и непрерывная трансформация определяют наличие широкого спектра социально-нормативных регуляторов, воздействующие способности которых могут обуславливать различные формы их сосуществования, вплоть до конкурентирования и взаимного исключения. В связи с этим приоритетными

задачами юридической науки и практики являются изучение специфики взаимодействия в рамках различных комбинаций социальных регуляторов, выявление возможных проблем, возникающих в области такого взаимодействия, а также определение возможных направлений усиления регулятивного потенциала официального права.

Данное обстоятельство определяет особую роль методологических и логических оснований изучения сложных феноменов социального регулирования, в том числе и явления интерполяции права. Интерполяция (подмена) права иными регуляторами поведения человека – это сложное, противоречивое и неоднозначное явление. В научной литерату-

© Головкин Р. Б., Новиков М. В., Колесникова Ю. Л., 2018

ре интерполяция права рассматривается как умышленное или неосторожное искажение, подмена изначальных смыслов изданных юридических норм, а также формирование незапланированных законодателем правовых последствий, которые происходят в процессе реализации и действия права в целом¹. Интерполяция права является одним из рассматриваемых в современной теоретической науке феноменов, выступающих следствием взаимодействия социальных регуляторов. Явление интерполяции права возникает в том случае, когда иной социальный регулятор обладает повышенным (в сравнении с правом) регулятивным потенциалом. Причин «высокой конкурентоспособности» неправового регулятора множество. Так, субъекты общественных отношений могут отдавать предпочтение отличному от официального права регуляторам из-за неосведомленности о наличии последнего, или его непризнания, из-за противоречивости официального правового регулирования и т. д. Для явления интерполяции права всегда важна «благоприятная среда». Это означает, что при определенных обстоятельствах подмена и искажение конкретных норм могут приобретать ярко выраженные формы, а в других условиях данные нормы могут функционировать в соответствии с установленной законодателем программой.

Методология исследования интерполяции права это сложное, неоднозначное явление, «плоть от плоти» методологии научного познания в целом. В общем можно отметить, что для методологии исследования юридической интерполяции свойственны все

признаки и свойства методологии научного познания в целом. На основании анализа справочной литературы² и ряда подходов к ее исследованию³, к обобщенным свойствам методологии можно отнести некоторые системообразующие факторы, которые представляют методологию как относительно универсальный инструмент научного познания.

Само явление методологии весьма объемно и, с одной стороны, представляет собой комплекс методов, методик, с другой стороны, системное знание об этих методах и методиках, их свойствах и их применении для исследования какого-либо явления, в том числе и интерполяции права.

Важно отметить, что в научной литературе часто встречаются подходы, отождествляющие понятия «метод» и «методология». Действительно, основу методологии составляют отдельные методы, которые используются при проведении исследований. Однако совершенно очевидно более широкое значение методологии. Об этом свидетельствует этимологический анализ слова «методология», происходящего от интеграции двух латинских слов: «metodos» (способ) и «logia» (учение). Из этого следует, что методология – это как минимум двухкомпонентное явление в виде учения о методах, применяемых для изучения тех или иных объектов.

Для уточнения параметров и способов исследования интерполяции права был проведен анализ методологии,

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003 ; Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

³ Андреев И. П. Проблемы логики и методологии познания. М., 1972 ; Андреев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопр. философии. 1980. № 6. С. 87.

¹ Головкин Р. Б., Багиров Р. С. Интерполяция права : монография. Владимир, 2015

использованной в 50 диссертационных исследованиях, из них: 16 – по техническим наукам, 8 – по естественным наукам, 12 – по экономике, 6 по психологии и 18 – по юриспруденции. Он выявил ряд обстоятельств, которые необходимо учитывать при изучении и использовании методологии¹.

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов. Так, очевидно, что большинство исследователей рассматривает методологию в качестве системы методов, используемых для изучения объекта и предметов исследования. В большинстве диссертационных исследованиях (в 98 % гуманитарных и в 76 % естественных и технических) в качестве методологической базы выступают традиционные методы материалистической диалектики. Однако, наряду с этим, в 32 % естественных и в 14 % гуманитарных исследований применяются неклассические и инновационные методы, такие как синергетика, герменевтика, хронодискретный метод и др.

В результате анализа была выявлена концептуальная основа применяемой методологии. Все исследования характеризуются наличием локализованного этапа, предшествующего применению методов и самому исследованию, в то же время неразрывно связанного с исследованием задающего его направления. На этом этапе осуществляется определение объектов и предметов исследования. Кроме того, на данном этапе происходит формирование методологической модели, включающей в себя ассортимент потенциально необходимых методов и механизмы их применения

¹ Для обзорного исследования методологии различных областей наук был использован ресурс www.dissers.ru, предоставляющий доступ к авторефератам диссертационных исследований по тематическим разделам.

в рамках поставленных исследователем целей и задач. Данный этап можно обозначить как концепт-программу методологии исследования. Концепт-программа методологии, а также фактическое применение методов базируются на определенных принципах и данных методологического прогнозирования.

Анализ методологии диссертационных исследований в различных областях науки продемонстрировал, что методы, являясь инструментами (средствами) исследования, на практике находят реализацию при помощи дополнительных средств исследования: лингво-логических структурных построений, технических средств, биологических, физических, химических и других объектов и явлений, позволяющих обеспечить применение того или иного метода исследования. При этом реализация методологии непосредственно связана с проявлением активности субъекта исследования, без проявления активности субъекта методология «мертва».

Реализация методологии представляется стадийным процессом, направленным на получение объективно-субъективного образа мыслимой или реально существующей действительности. Содержание данного процесса составляют следующие стадии: первая стадия – определение объекта и предмета исследования; вторая стадия – формирование концепт-программы применения методологии; третья стадия – формирование прогноза реализации методологии; четвертая стадия – реализация механизма методологии, пятая стадия – оценка и обобщение результатов реализации механизма методологии. Кроме того, в данной структуре возможно обособление факультативных стадий, таких как

корректировка механизма методологии, а также стадия корректировки объектов и предметов исследования.

Проведенный анализ позволил заключить, что методы исследования присущи любой науке. Это означает, что сама методология представляется относительно самостоятельной областью научного знания, своего рода комплексным учением о принципах и порядке применения методов, а также об адекватной оценке их эффективности. Вместе с тем конкретные исследования, базируясь на общих парадигмах учения методологии, как правило, имеют определенную самобытность и эксклюзивность. Это означает, что методология конкретного исследования, основываясь на общем учении методологии, выступает при этом вполне самостоятельным явлением.

На основе анализа методологии диссертационных исследований также представляется возможным сделать вывод о наличии четырех уровней использования методов: общего, междисциплинарного, отраслевого и специального. Каждый уровень характеризуется относительно определенными самобытными методологическими средствами с учетом объекта и субъекта исследования. Однако методологические средства различных уровней реализуются в комплексе, а не изолированно. Так, познание сущности явления невозможно с использованием только, например, наблюдения, при игнорировании качественных анализа и синтеза.

Вместе с этим содержание методологии имеет прямую зависимость от соответствующего уровня познания. Так, для теоретического уровня более свойственны категории и принципы, ориентированные на формирование абстрактной отвлеченной картины изучаемого объекта или явления. Именно

это является фундаментом для определения того или иного направления реализации теории на практике. Практическому же уровню свойственны иные элементы методологии, а именно те, которые обуславливают закрепление реальных свойств изучаемых объектов и явлений.

На основании приведенных умозаключений представляется возможным сформулировать операционное определение понятия методологии, а также охарактеризовать основные компоненты, формирующие ее. Таким образом, определим **методологию** как *комплексное явление, имеющее общенаучное значение, реализуемое в конкретных исследованиях в определенном порядке с использованием системы различных познавательных средств, для достижения адекватного знания об объектах и предметах, составляющих цель научного познания.*

Как видим, основной инструментальной методологии и основной элемент ее механизма – это конкретные методы исследования, применяемые для познания определенных объектов и предметов познания. При исследовании интерполяции права представляется возможным использовать всю многообразную палитру методологии, вместе с тем некоторые закономерности существования данного явления предопределяют определенные методологические особенности его изучения.

Изучение интерполяции права позволяет определить некоторые закономерности возникновения, развития и существования указанного явления. Рассмотрим некоторые из них. Очевидно, что отношения в обществе регулируются не правом, а информацией о нем. При этом носители, отражающие эту информацию, могут содержать де-

фекты, способные затруднить правильное понимание и реализацию права. Кроме того, такая информация носит субъективный характер. Субъективизм обуславливает восприятие и реализацию права субъектом в соответствии с имеющимися знаниями и переживаниями по поводу права. При этом такого рода знания и переживания распространяются не только на действующее право, но также на существовавшее ранее и желаемое право. Это значит, что имеющаяся у субъекта информация о праве так или иначе подвергается процессам различных трансформаций, создавая условия для явления интерполяции права. Отсутствие же у субъекта правоотношений информации о праве неизбежно приводит к интерполяции планируемого законодателем действия права. Невозможно реализовывать право, не зная о нем или имея о нем неверные представления. В данном случае регулирование поведения субъекта осуществляется при помощи неправовых средств.

Примечательно то, что в некоторых случаях правоприменение интерполирует право ввиду особенностей правосознания правоприменителя, несмотря на то, что формально оно непосредственно зависит от нормативных предписаний. И в самих нормах права в абсолютном большинстве заложена потенциальная возможность интерполяции права. Данная возможность обусловлена наличием границ, предусматривающих различные варианты поведения субъектов общественных отношений, урегулированных правом. Такие границы, например, можно обнаружить в санкциях статей нормативных правовых актов. Это означает, что явление интерполяции права характеризуется не только деструктивностью и спонтанностью, но и фактически мо-

жет объективироваться в качестве спланированного законодателем возможного результата деятельности различных субъектов правоотношений, в том числе и правоприменителей.

Таким образом, возможно констатировать, что методология исследования интерполяции права представляет собой комплексное явление, которое включает в себя весь инструментарий учений и методов познания, которые так или иначе используются при установлении характерных черт рассматриваемого явления. В целом методология предоставляет возможность охарактеризовать различные закономерности явления интерполяции права. В этой связи особое внимание необходимо уделить логике как составной части всего методологического арсенала.

Ранее один из авторов обращался к анализу логического типа связей права с иными регуляторами поведения индивида¹. Обоснование закономерностей явления интерполяции права осуществлялось при помощи анализа данного типа связей, сформированного на основе традиционных моделей логических типов связей в программировании. В настоящей работе также обратимся к логическим типам связей в процессе исследования явления интерполяции права.

Логические типы связей при исследовании интерполяции права базируются на традиционных законах логики. Сегодня в науке выделяются четыре основных закона логики: закон тождества, закон противоречия, закон исключения третьего и закон достаточного ос-

¹ Головкин Р. Б. Некоторые аспекты методологии исследования интерполяции права // Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы, СПб., 2017. С. 15–35.

нования¹. Они могут быть применимы в различных отраслях знания и применяются в исследовательском аппарате всех гуманитарных наук. То есть можно предположить, что законы логики – это часть методологии, в том числе и методологии исследования, а также минимизации юридической интерполяции.

В качестве первого закона логики обычно в исследовательской литературе отмечают закон тождества, который был сформулирован еще Аристотелем. Суть данного закона заключается в том, что нельзя при рассмотрении явлений наделять одно явление несколькими значениями, так как данная ситуация приводит к утрате конкретного смысла обозначения явления, и в итоге получается, что у явления нет ни одного значения. В рамках данного закона Аристотель обосновывает необходимость привязки слова (термина) к конкретному значению (объему понятия). Нарушение данного закона ведет к сложностям в построении конструктивного взаимодействия между людьми, поскольку при использовании одних и тех же слов собеседники могут вкладывать в них различный смысл, следовательно, теряется возможность адекватного взаимодействия между людьми. В реальности утрачивается и возможность построения сбалансированных мыслимых конструкций, «ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить (каждый раз) что-нибудь одно»². В указанном случае представляется возможным сделать вывод, что если суждение отражает множество объектов одновременно, при этом

имеется в виду определенное явление, то фактически размывается конкретное значение объекта рассуждения (обо всем – значит ни о чем).

Относительно права, интерполяции права и анализируемого закона логики необходимо отметить следующее:

1. Теория права изобилует множеством неоднозначных понятий права³. В свою очередь это многообразие обуславливает потерю собственно понятия права.

2. Те определения понятия права, которые существуют в теории способны отразить только часть его смысла, как правило, заключающуюся в отнесении права к числу регуляторов общественных отношений. Это в свою очередь приводит к смешению понятия «право» с понятийным объемом других средств регулирования общественных отношений.

3. Отсутствие единства в правопонимании приводит к проблемам правового регулирования, осуществляемого с неизбежным участием правосознания. К ключевому звену правосознания традиционно относят знание о праве существующем, существовавшем и желаемом. Это означает, что неточные знания о праве приведут к фактическому незнанию права. Незнание же права является лучшим условием для формирования интерполяционно-правовых процессов.

Закон противоречия (запрещения) у Аристотеля выражается в том, что одно и то же явление одновременно существовать и не существовать не может, также не может существовать одно и то же в одном смысле⁴. Логический закон противоречия применительно к гуманитарным исследованиям и межличностному общению выглядит в ви-

¹ Основные законы логики. URL: http://www.k2x2.info/nauchnaja_literatura_prochee/kratkii_kurs_logiki_iskusstvo_pravilnogo_myshlenija/p6.php (дата обращения: 07.11.2016).

² Аристотель. Метафизика. М., 2006. С. 64.

³ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985.

⁴ Аристотель. Указ. соч. С. 64.

де лингво-смысловой конструкции, согласно которой «нельзя считать исследовательскую позицию верной, если в ее рамках одновременно отрицается и утверждается что-либо¹. Применительно к праву это означает, что правовые нормы, регулирующие одно и то же общественное отношение не должны противоречить друг другу. Тем не менее в практике правового регулирования ситуация, когда разные правовые нормы при упорядочении общественных отношений могут противоречить, имеет достаточное распространение. Уже сам факт закрепления в Конституции Российской Федерации коллизионных норм (например, ч. 6 ст. 76) проявляет имеющиеся нарушения логического закона противоречия. Кроме того, еще больше противоречий встречается при регулировании одних и тех же отношений правом и иными социальными нормами².

Следовательно, нарушение логического закона противоречия в правовом регулировании общественных отношений также является одной из предпосылок интерполяции права.

Закон исключенного третьего в логике рассматривается в качестве дополнения закона противоречия. Как указывалось выше, закон противоречия (запрещения) не допускает возможность истинности двух суждений одновременно, при этом возможен вариант одновременной ложности этих сентенций. Однако противоречащие позиции одновременно ложными не могут быть. В данном случае закон противоречия не вполне достаточен и требует дополнения. В качестве данного дополнения в логике был сформулирован закон исключенного третьего. Сущность данного закона выражается в том,

что разные (как правило, два) суждения об одном предмете, которые противоречат друг другу (в одно время и в одном и том же отношении), не могут быть одновременно истинными и не могут быть одновременно ложными (истинность одного из них обязательно означает ложность другого, и наоборот)³.

Формальное выражение закона исключенного третьего выглядит следующим образом: «а или не а», где а – это какое-либо высказывание⁴.

С учетом данного закона, применительно к исследованию интерполяции права, можно выстроить схему противоположных и противоречащих суждений по поводу действия права, обосновывающих возможность юридической интерполяции.

Суждения «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения» выступают как противоположные. Суждения «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не всегда регулируют общественные отношения» являются противоречащими. Различие между противоположными и противоречащими суждениями по поводу права в изложенном варианте предполагают наличие определенного среднего (третьего варианта суждения). Для высказываний «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения» средним вариантом выступает суждение «нормы права регулируют определенный круг обще-

¹ Там же. С. 63.

² Головкин Р. Б. Указ. соч.

³ Основные законы логики. URL: http://www.k2x2.info/nauchnaja_literatura_prochee/kratkii_kurs_logiki_iskusstvo_pravilnogo_myshlenija/p6.php (дата обращения: 07.11.2016).

⁴ Там же.

ственные отношений». В теории логики и в вышеизложенных вариантах суждений о праве противоречащие суждения, в отличие от противоположных, не допускают, а скорее, исключают, возможность среднего варианта. Представляется весьма затруднительным поиск среднего варианта для суждений: «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не всегда регулируют общественные отношения».

Поэтому наличие среднего варианта суждения о праве приводит к тому, что противоположные суждения по этому вопросу могут быть ложными. Следовательно, если суждение «нормы права регулируют определенный круг общественных отношений» является истинным, то противоположные суждения «нормы права всегда регулируют общественные отношения», «нормы права не регулируют общественные отношения» – одновременно ложны.

В целом противоречащие суждения о действии права (в силу отсутствия третьего суждения) не могут быть одновременно ложными, и в этом их основное отличие от противоположных высказываний о праве и регулировании им общественных отношений. Подобие между противоположными и противоречащими суждениями о праве выражается в том, что они не могут быть одновременно истинными, как это подразумевает логический закон противоречия. Следовательно, данный закон распространяется в целом и на противоположные и противоречащие суждения по поводу действия права. Кроме того, исключенным третьим вариантом суждения о регулировании правом общественных отношений может быть суждение об упорядочении отношений иными регуляторами поведения, что дополнительно обосновыва-

ет возможность подмены права иными средствами упорядочения поведения, т. е. его интерполяцию.

Логический закон достаточного основания постулирует, что суждение и умозаключение по поводу чего-либо, для реальной объективации должны быть верифицируемыми (доказуемыми) с помощью каких-либо фактов, выступающих в качестве аргументов (оснований), подтверждающих рассматриваемое суждение или умозаключение. При этом связь между суждением (умозаключением в целом) должна быть необходимая.

Следовательно, мысль о том, что право регулирует общественные отношения (тезис), обязательно должна доказываться аргументами в виде реальной и устойчивой реализации правовых норм, т. е. тезис о регулировании общественных отношений правом должен подкрепляться юридической практикой во всех случаях, иначе изначальный тезис неверен и должен звучать следующим образом: «право в определенных случаях (как правило) регулирует некоторые общественные отношения». Обоснуем вышеприведенное умозаключение иллюстрациями. Например, в рассуждении: «право регулирует определенный круг общественных отношений (тезис), так как оно является разновидностью социальных норм (основание)». В данном случае логический закон достаточного основания не нарушается. Этот пример иллюстрирует адекватную логическую парадигму: из основания того, что право – это разновидность социальных норм, следует, что оно регулирует общественные отношения. А в рассуждении: «право регулирует (всегда) общественные отношения (тезис), ведь оно является разновидностью социальных норм (основание)»,

– логический закон достаточного основания нарушен, тезис не вытекает из основания (из того, что право является разновидностью социальных норм, не следует, что все отношения регулируются правом, так как эти отношения могут регулироваться другими социальными нормами, в принципе). Нарушается закон достаточного основания и в ситуации, когда судья принимает решение по делу, мотивируя его исключительно правовыми нормами. Дело в том, что даже в рамках непосредственного применения нормы права, правоприменитель может руководствоваться при вынесении решения не только правовыми, но и иными социальными нормами. Такая ситуация возможна, например, при применении норм, устанавливающих альтернативные наказания или относительно-определенные санкции. Можно также сказать, что нарушается закон достаточного основания при признании виновным лица на основании его заявления о совершении противоправного деяния.

Библиографический список

1. Андреев И. Д. Проблемы логики и методологии познания / И. Д. Андреев. – М. : Наука, 1972. – 320 с.
2. Головкин Р. Б. Интерполяция права : монография / Р. Б. Головкин, Р. С. Багиров. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. 172 с.
3. Головкин Р. Б. Некоторые аспекты методологии исследования интерполяции права / Р. Б. Головкин // Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы : сб. науч. тр. – СПб. : Профес. наука, 2017. – С. 15–35.
4. Лебедев С. А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания / С. А. Лебедев // Вопр. философии. – 1980. – №6. – С. 79–88.
5. Явич Л. С. Сущность права / Л. С. Явич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 205 с.

Следовательно, закон достаточного основания также может способствовать интерполяции права, особенно в процессе его реализации.

Данный логический закон, предопределяет требования к субъектам правоприменительной деятельности в виде необходимости обеспечения любого рассуждения доказательствами, устанавливающими юридически значимые факты и обстоятельства. С учетом названных обстоятельств логический закон достаточного основания выступает определенным барьером и «лакмусовой бумажкой» для интерполяции права.

Таким образом, использование общих возможностей традиционной методологии, а также инструментария формальной логики позволило сформировать максимально целостную картину явления интерполяции права, а также определить направления дальнейшего исследования негативных последствий, продуцируемых данным явлением.

References

1. Andreev I. D. Problems of Logic and Methodology of Cognition. M., Nauka, 1972. 320 p.
2. Golovkin R. B., Bagirov R. S. Interpolation Law. Vladimir, VYul FSIN Rossii, 2015. 172 p.
3. Golovkin R. B. Some Aspects of the Methodology for the Study of Interpolation of Law. *Legal Culture, Legal Consciousness and Realization: Problems, Priorities and Prospects*. SPb., Professional'naya Nauka, 2017. P. 15–35.
4. Lebedev S. A. The Role of Induction in the Operation of Modern Scientific Knowledge. *Voprosy' Filosofii*. 1980. No. 6. P. 79–88.
5. Yavich L. S. The Essence of the Law. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1985. 205 p.

Капусткин Александр Сергеевич,

НАГРАДНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Автор обосновывает значение наградной правовой политики в деле борьбы с коррупцией и предупреждения коррупционных правонарушений, рассматривает отдельные функции наград, внося предложения по совершенствованию наградной правовой политики в свете задач борьбы с коррупционными проявлениями.

Ключевые слова: награда, наградная политика, антикоррупционная политика, функции наград.

Kapustkin Aleksandr S.,

AWARD'S LEGAL POLICY AS AN ELEMENT OF ANTICORRUPTION POLICY

Abstract. The author of the article demonstrates the importance of the award's legal policy at the fight against corruption and prevention of corruption offenses. The author highlights the functions of awards, makes proposals for improving the award policy at the fight against corruption.

Key words: award, award's legal policy, anticorruption policy, functions of awards.

По данным опроса, проведенного специалистами ВЦИОМ в 2018 г., «действия властей по борьбе с коррупцией становятся для россиян все более заметными. О позитивных результатах работы в этом направлении сегодня говорят 55 % граждан»². Безусловно, эти показатели – результат большой работы, грамотно проводимой антикоррупционной политики государства, которой большое внимание уделяет Президент Российской Федерации³.

Согласно ст. 1 Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ас-

самблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15, антикоррупционная политика в качестве предмета правового регулирования включает отношения: по формированию основных начал антикоррупционной политики, определению ее понятий, целей и принципов; реализации антикоррупционной политики в деятельности по охране прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства; установлению приоритетных сфер и системы мер предупреждения коррупции, а также определению системы субъектов реализации антикоррупционной политики; определению компетенции органов публичной власти национального, регионального и местного уровней в формировании и реализации антикоррупционной политики; определению и проведению антикоррупционной политики в правотворческой и правоприменительной деятельности; укреплению законно-

© Капусткин А. С., 2018

² ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (дата обращения: 01.09.2018).

³ О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : указ Президента Рос. Федерации от 29 июня 2018 г. № 378. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27, ст. 4038.

сти и правовых основ функционирования органов государственной власти и местного самоуправления; формированию общественного правосознания в соответствии с антикоррупционными стандартами; формированию основ международного сотрудничества в реализации мер антикоррупционной политики.

Проанализировав точки зрения ряда отечественных ученых¹, мы пришли к выводу, что в качестве особого вида поощрительной правовой политики следует выделять наградную правовую политику, под которой следует понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность субъектов, входящих в политическую систему общества, по выработке стратегии, созданию механизмов правового регулирования создания, существования и использования наградных систем как эффективных средств стимулирования физических и юридических лиц к социально полезной деятельности, искусство управления посредством наград.

Наградная правовая политика как вид государственной правовой политики, как инструмент управления гражданами, побуждения их к полезной деятельности, например борьбе с коррупцией со стороны других лиц, воздержанию от коррупционных действий, честному труду, бескорыстному служению Отечеству может быть

¹ См., напр.: *Малько А. В.* Теория правовой политики : монография. М., 2012 ; *Исаков Н. В.* Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004 ; *Смыслов О. С.* Загадки советских наград. 1918–1991 годы. М., 2005 ; *Дуэль В. М.* Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

эффективно использована в рамках реализации государственной антикоррупционной политики.

Наряду с оптимизирующей функцией – функцией экономии средств юридической техники, ранее в иных публикациях нами было предложено также выделять такую функцию награды, как собственно экономическая функция. По нашему мнению, она выражается в том, что награды позволяют заменять затраты материального характера. Так, если рассмотреть две формы поощрения: Государственную премию Российской Федерации в области культуры и государственную награду почетное звание «Заслуженный артист Российской Федерации», то для многих деятелей культуры и искусства эти награды равно желаемы. Однако размер Государственной премии равен 5 млн руб., а материальная ценность (если так позволительно выразиться) почетного звания равна стоимости изготовления серебряного знака и бумажного удостоверения. Более того, многие деятели культуры и искусств даже предпочли бы присвоение звания государственной премии. Здесь следует оговориться, что в Российской Федерации Государственная премия не отнесена к числу государственных наград и по сути своей является сложной формой поощрения, сочетающей награду – нематериальное поощрение (звание лауреата и соответствующие знак и документы) и денежную выплату – материальное поощрение.

Экономическая функция наград может выражаться в том, что с их помощью в процессе поощрения, стимулирования граждан при небольших материальных затратах может быть

достигнуть эффект, равнозначный эффекту больших финансовых вложений.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» государственная политика в отношении ветеранов предусматривает пропаганду с использованием средств массовой информации значения государственных наград за ратные и трудовые подвиги.

Так как сложная система представления к награде и принятие решения о награждении (по крайней мере, это справедливо в отношении государственных наград) сводит к минимуму возможность проявления коррупции в данной сфере, то награждение может рассматриваться, на наш взгляд, как инструмент борьбы с коррупцией.

Популяризация, в том числе через средства массовой информации и современные каналы обмена информацией и иного общения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», наград, заслуг награжденных лиц в деле борьбы с коррупцией обязательно принесет свои плоды. Необходимо возродить в обществе высокий статус кавалеров государственных наград, особое внимание в связи с рассматриваемой темой уделить борцам с коррупцией.

Данную популяризаторскую работу о награжденных борцах с коррупцией, их заслугах, конкретных поступках, достойных подражательства, необходимо вести в образовательных организациях разного уровня, приводя близкие для слушателей примеры – земляков, представителей той же профессии, что и осваивают обучающиеся.

Особенно важно проводить эту работу среди студентов, осваивающих профессии так называемые зоны риска,

т. е. представители которых чаще всего становятся виновными в совершении коррупционных правонарушений (судебная система, правоохранительные органы, медицинские работники, педагоги, сотрудники сферы ЖКХ, государственные служащие).

Представляется верным также показывать прямую связь поступка лица, направленного на предотвращение или пресечение коррупционного правонарушения, с достойной наградой со стороны органов публичной власти в художественных произведениях (литература, кино, социальная реклама и пр.).

Статус наград и, как следствие, высокий статус борьбы с коррупционерами повышаются также посредством личного участия в торжественных церемониях вручения наград главы государства, глав ведомств, регионов и муниципалитетов.

Сам факт награждения высокими государственными наградами, наградами ведомств, наградами субъектов Российской Федерации, муниципальными наградами является свидетельством признания такого рода поведения желательным со стороны государства и общества, стимулирует к подобному поведению иных граждан.

Анализ действующей редакции Положения о государственных наградах Российской Федерации позволяет сделать вывод, что прямо заслуги в борьбе с коррупцией указаны в качестве основания для присвоения почетных званий «Заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации», «Заслуженный сотрудник органов безопасности Российской Федерации», «Заслуженный сотрудник органов вну-

тренних дел Российской Федерации»¹. Однако это далеко не означает, что нами приведен исчерпывающий перечень наград для поощрения борцов с коррупцией, так как государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством. Едва ли не во всех перечисленных сферах борьба с коррупцией может найти свое отражение. При этом в рамках государственной наградной политики и антикоррупционной политики представляется возможным прямо прописать заслуги в борьбе с коррупцией в качестве основания для награждения государственными наградами Российской Федерации, внеся соответствующие изменения в статуты и положения о наградах.

Кроме того, заслуги сотрудников правоохранительных органов и иных лиц в деле борьбы с коррупцией могут быть отмечены ведомственными наградами и наградами всех уровней организации публичной власти, об этом

также необходимо широко информировать население.

В рамках проведения государственной антикоррупционной политики представляется возможным учредить как минимум ведомственную награду «За заслуги в борьбе с коррупцией» и рекомендовать учредить подобные награды субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям. С такой инициативой мог бы выступить Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. Полагаем, что было бы возможным наделить данный Совет правом вносить на рассмотрение Президента Российской Федерации и органов государственной власти предложения о награждении лиц за особые заслуги в антикоррупционной деятельности, в том числе за успехи в деле профилактики коррупционных правонарушений.

В условиях непростой экономической ситуации роль нематериальных стимулов возрастает, в связи с этим государственная антикоррупционная политика должна строиться не только на принципе неотвратимости наказания для нарушителей, но и на принципе обязательного поощрения заслуг тех, кто вносит большой личный вклад в общее дело противодействия этому страшному пороку.

¹ О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37, ст. 4643.

Библиографический список

1. Гацко Ф. М. Антикоррупционная политика государства : учеб. пособие / Ф. М. Гацко. – Ногинск : НФ РАНХиГС, 2015. – 118 с.
2. Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дуэль Вера Михайловна. – М., 2005. 181 с.
3. Исаков Н. В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Исаков Николай Васильевич. – Ростов-н/Д, 2004. 459 с.
4. Малько А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
5. Смыслов О. С. Загадки советских наград. 1918–1991 годы / О. С. Смыслов. – М. : Вече, 2005. – 345 с.

References

1. *Gaczko F. M.* Anti-corruption Policy of the State. Noginsk, NF RANKhiGS, 2015. 118 p.
2. *Due'l' V. M.* State Awards in Russian Law: Problems of Theory and Practice. M., 2005. 181 p.
3. *Isakov N. V.* Legal Policy of Modern Russia: Problems of Theory and Practice. Rostov-na-Donu, 2004. 459 p.
4. *Mal'ko A. V.* Theory of Legal Policy. M., Yurlitinform, 2012. 328 p.
5. *Smy'slov O. S.* Mysteries of Soviet Awards. 1918–1991. M., Veche, 2005. 345 p.

УДК 342.59

Новикова Юлия Олеговна,

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗЕРВА
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

***Аннотация.** Подготовка резерва управленческих кадров является стратегическим приоритетом конкурентоспособности региона. Наличие компетентных, подготовленных управленцев-специалистов, готовых к продвижению на замещение ключевых руководящих должностей, может гарантировать реализацию кадровой стратегии субъекта и Российской Федерации в целом. В этой связи одной из приоритетных задач является построение новой системы работы с резервом, включающей профессиональное развитие, а также дальнейшее привлечение в систему государственного управления наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва.*

***Ключевые слова:** резерв управленческих кадров, инновационные ориентиры, интеллектуальные ресурсы, кадровая стратегия, правовое регулирование, трудовые правоотношения.*

Novikova Yuliya O.,

**FEATURES OF LEGAL REGULATION FORMATION OF THE RESERVE
OF MANAGEMENT PERSONNEL IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION)**

***Abstract.** The training of a reserve of managerial personnel is a strategic priority of the region's competitiveness. The presence of competent, trained managers and specialists who are ready to move to fill key management positions can guarantee the implementation of the personnel strategy of the subject and the Russian Federation as a whole. In this regard, one of the priorities is the construction of a new system of work with the reserve, including professional development, as well as the further involvement of the most qualified, initiative and promising representatives of the reserve into the government system.*

***Key words:** managerial personnel reserve, innovation benchmarks, intellectual resources, personnel strategy, legal regulation, labor relations.*

В настоящее время в развитых странах завершается период активного перехода к инновационной экономике, экономике знаний, где решающую роль в производстве товаров и услуг играют интеллектуальные ресурсы. Непосредственной производительной силой становятся знания, что и обуславливает особенность новой экономики, где информационные технологии преобразуют материальную основу современного производства.

Изначально считалось, что управление знаниями как сфера применима лишь к тем отраслям, для которых основной выступают высокие технологии, технические разработки, технологические новации. Однако становится ясно, что инновационные управленческие процессы – это неперемное условие развития всех сфер в эпоху технологической революции. В заданных условиях основными ресурсами развития любой сферы во все большей мере выступают люди и знания, которыми они

обладают, и растущая профессиональная компетенция кадров.

На федеральном уровне подобная задача ставится в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, где отмечено, что «важной предпосылкой повышения эффективности инновационной деятельности станет реализация инновационной политики, осуществляемой органами исполнительной власти субъектов РФ и муниципальными образованиями». В связи с этим важной институциональной инновацией можно рассматривать как на федеральном, так и на субфедеральном уровнях современные кадровые технологии, в основе которых лежит кооперация новых социальных институтов, коренного изменения методов работы, организационных структур, моделей поведения, иного научного, информационного, правового и кадрового обеспечения, с целью мобилизации их для достижения целей, задач и реализации функций кадровой стратегии государственного органа.

В данных условиях подготовка резерва управленческих кадров является стратегическим приоритетом конкурентоспособности региона. Наличие компетентных, подготовленных управленцев-специалистов, готовых к продвижению на замещение ключевых руководящих должностей, может гарантировать реализацию кадровой стратегии субъекта и Российской Федерации в целом.

В этой связи одной из приоритетных задач является построение новой системы работы с резервом, включающей профессиональное развитие, а также дальнейшее привлечение в систему государственного управления

наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва.

В самом широком смысле, резерв управленческих кадров представляет собой перечень лиц, имеющих достаточный опыт управленческой деятельности, успешно проявивших себя в сфере профессиональной и общественной деятельности, обладающих необходимыми личностными и деловыми качествами и высокой степенью ответственности, позволяющими рассматривать их в качестве кандидатов для замещения руководящих должностей.

К настоящему времени в России фактически сложилась система правового регулирования в сфере формирования и работы кадрового резерва. Так, в данную систему нормативных правовых актов входят:

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

2. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации».

3. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации».

4. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы», а также положения о кадровом резерве, принятых в некоторых федеральных государственных органах.

Более того, нормативные правовые акты представлены региональным за-

конодательством. Так, во Владимирской области, в соответствии с Законом Владимирской области от 10 декабря 2001 г. № 129-03 «О Губернаторе и администрации Владимирской области», Перечнем поручений Президента Российской Федерации по итогам совещания по формированию резерва управленческих кадров, утвержденным Указом Президентом Российской Федерации от 1 августа 2008 г. № Пр-1573, было разработано Положение о резерве управленческих кадров Владимирской области, утвержденное указом губернатора Владимирской области «О резерве управленческих кадров Владимирской области» от 11 ноября 2016 г. № 99 (далее: Положение). Данный указ определяет цели и принципы формирования, подготовки и использования резерва управленческих кадров, такие как: 1) осуществление эффективной кадровой политики в администрации Владимирской области и органах исполнительной власти Владимирской области; 2) совершенствование деятельности по подбору и расстановке руководящих кадров; 3) сокращение периода адаптации лиц, назначаемых на руководящие должности; 4) обеспечение замещения руководящих должностей высококвалифицированными специалистами, на принципах а) гласности, доступности информации о формировании и функционировании резерва управленческих кадров; б) добровольности включения в резерв управленческих кадров и нахождения в резерве управленческих кадров; в) единства основных требований к кандидатам на включение в резерв управленческих кадров; г) объективности и всесторонней оценки профессиональных и личностных

качеств кандидатов на включение в резерв управленческих кадров; д) профессионализма и компетентности лиц, включаемых в резерв управленческих кадров (ст. 1.3, 1.4).

В субъектах Российской Федерации сложилась интересная практика работы с кадровыми резервами, которая заключается в отслеживании движения и состава кадрового резерва.

Как правило, резерв управленческих кадров в государственном органе субъекта РФ формируется по двум целевым группам:

1) резерв управленческих кадров на должности категории «руководители» высшей и главной групп должностей;

2) резерв управленческих кадров на должности глав местных администраций муниципальных образований, назначаемых по контракту по результатам конкурса.

Принципы работы с резервом заключаются в следующем:

– кандидаты подбираются по деловым и личностным качествам в соответствии с их профессиональными знаниями, умениями и навыками;

– в организации работы с кадровым резервом соблюдается принцип гласности: список резерва прозрачен, каждый гражданин может с ним ознакомиться и получить ответ о критериях включения в кадровый резерв.

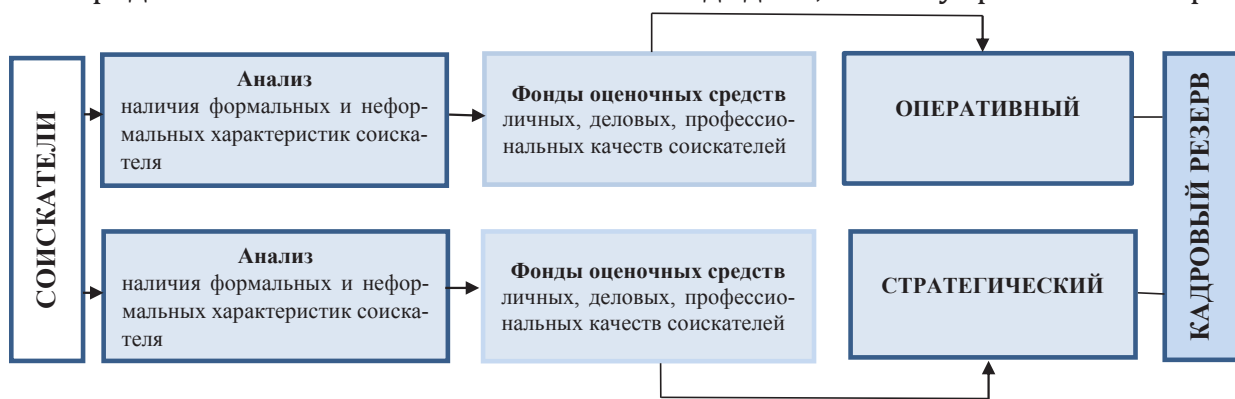
Одним из главных направлений в работе по формированию кадрового резерва является совершенствование механизмов по подбору и отбору соискателей. При этом очень важно учитывать тот факт, что кадровый резерв подразделяется на оперативный и стратегический. В оперативный кадровый резерв зачисляются кандидаты на замещение руководящих должностей,

готовых приступить к работе немедленно. В стратегический кадровый резерв входят кандидаты на замещение руководящих должностей, имеющие высокий профессиональный уровень и обладающие лидерскими качествами, которые в перспективе смогут занимать эти должности. Это необходимо учитывать при выборе инструментов оценки личностных, деловых и профессиональных компетенций соискателя вхождения в резерв.

Процесс подбора и отбора управленческих кадров по видам резерва будет включать в себя анализ наличия формальных и неформальных характеристик соискателя (см. рисунок). Более того, на наш взгляд, процесс формирования оперативного резерва управленческих кадров требует более полного спектра специальных фондов оценочных средств.

законодательством Российской Федерации; 5) знания и умения вне зависимости от рода деятельности: знание гражданского (русского) языка; знания основ Конституции Российской Федерации, законодательства о гражданской службе, о противодействии коррупции; 6) знания и умения в области информационно-коммуникационных технологий¹. При чем, данные формальные требования можно применить и к оперативному, и стратегическому кадровому резерву.

К неформальным характеристикам, предъявляемые к оперативному кадровому резерву можно отнести: 1) стаж работы; 2) наличие лидерских качеств; 3) наличие знаний: законодательства Российской Федерации, регулирующего предполагаемую профессиональную (служебную) сферу деятельности кандидата; основ управления и орга-

Процесс подбора и отбора резерва управленческих кадров

На рисунке представлен алгоритм процесса подбора и отбора соискателей в резерв управленческих кадров.

К формальным характеристикам можно отнести: 1) наличие гражданства РФ; 2) наличие высшего образования; 3) продолжительность стажа гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки; 4) отсутствие судимости, не погашенной в порядке, установленном

низации труда; методов управления коллективом; правил и норм делового общения; форм и методов работы с применением автоматизированных средств управления; правил подготовки и оформления документов; 4)

¹ Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. URL: <http://www.rosmintrud.ru> (дата обращения: 21.03.2017).

наличие умений: подбора и расстановки кадров; руководства коллективом; оперативного принятия и реализации управленческих решений; адаптации к новой ситуации и применения новых подходов к решению возникающих вопросов; контроля исполнения, анализа и прогнозирования последствий принимаемых решений; эффективно-го планирования профессиональной (служебной) деятельности; публичного выступления; ведения деловых переговоров; взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями и организациями республиканского значения; владения приемами конструктивной критики, межличностных отношений и мотивации подчиненных, стимулирования достижения результатов; пользования современной оргтехникой и программными продуктами; делового письма.

Более того, к специальным качествам оперативного резерва можно отнести наличие следующих умений: 1) достигать результата; 2) мыслить системно; 3) планировать и рационально использовать служебное время; 4) коммуникативные умения; 5) руководить подчиненными, эффективно планировать, организовывать работу и контролировать ее выполнение; 6) оперативно принимать и реализовывать управленческие решения; 7) мыслить стратегически¹.

Указанным умениям соответствуют такие профессиональные и личностные качества, как системное мышление, ориентированность на результат,

¹ Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы.

ответственность, коммуникабельность, инициативность, стрессоустойчивость.

К неформальным характеристикам, предъявляемые к стратегическому кадровому резерву можно отнести: 1) стаж работы; 2) наличие лидерских качеств; 3) наличие знаний: законодательства Российской Федерации, регулирующего предполагаемую профессиональную (служебную) сферу деятельности кандидата; основ управления и организации труда; методов управления коллективом; правил и норм делового общения; форм и методов работы с применением автоматизированных средств управления; правил подготовки и оформления документов.

Одним из важных вопросов формирования резерва управленческих кадров является выявление оптимальных методов оценки личностных, деловых и профессиональных качеств кандидатов. Международная и отечественная практика показывает разнообразие методов отборочных собеседований. Существует британский метод, основанный на личной беседе с кандидатом членов конкурсной комиссии. Есть немецкий опыт, основанный на предварительной подготовке кандидатами значительного числа документов с обязательными письменными рекомендациями. Американский метод основан на проверке системы заслуг, интеллектуальных способностей, на психологическом тестировании и наблюдении за кандидатами в неформальной обстановке. Китайский метод строится на обязательных письменных экзаменах².

² Современные кадровые технологии в органах власти : монография / под общ. ред. С. Е. Прокофьева [и др.]. М., 2015. С. 7.

Применительно к России, исходя из анализа нормативных правовых актов министерств и ведомств, можно сказать, что оценочные процедуры при необходимости включают индивидуальное интервью (собеседование), индивидуальные и (или) групповые поведенческие процедуры (деловые игры, групповые дискуссии и другие процедуры), а также лицензированные тестовые методики, в частности, тесты на обработку информационных потоков, достижений, когнитивные тесты и личностные опросники. Однако метод индивидуального собеседования присутствует практически во всех методиках подбора и отбора соискателей в резерв управленческих кадров субъектов Российской Федерации.

Исходя из распоряжения Правительства РФ от 22 апреля 2010 г. № 636-р «Об утверждении федеральной программы «Подготовка и переподготовка резерва управленческих кадров (2010 – 2018 годы)», одной из приоритетных задач является построение новой системы работы с резервом, включающей профессиональное развитие, а также дальнейшее привлечение в систему государственного управления наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва.

Актуальность решения задачи по профессиональному развитию лиц, включенных в резерв, требует разработки и внедрения эффективного инструментария по оценке их профессионального потенциала, определения стратегии и выбора конкретных подходов и методик обучения.

Для более полного и всестороннего профессионального развития лиц, состоящих в резерве управленческих

кадров, с целью приобретения дополнительных профессиональных знаний и развития управленческих компетенций, коммуникативных навыков, лидерских и иных профессионально важных качеств необходимо разрабатывать не только типовой учебно-образовательный план профессионального развития, но и рабочие программы курсов для каждого соответствующего уровня и вида резерва. Более того, на основе вышеуказанных методических разработок, необходим план индивидуального профессионального развития лиц, входящих в резерв, с целью учета индивидуальных потребностей и желаний участника обучения.

Эти планы должны включать в себя различного рода обучающих процедур, таких как: 1) самообразование, участие в семинарах, совещаниях, научно-практических конференциях; 2) стажировки в органах государственной и муниципальной власти; 3) участие в разработке проектов общественно значимых нормативных правовых актов по вопросам, отнесенным к компетенции соответствующих органов государственной власти, местного самоуправления; 4) участие в проектной работе (анализ управленческой проблемы, подготовка рекомендаций и (или) разработка и проектирование решения проблемы целиком, участие во внедрении проекта); 5) дополнительное профессиональное образование по программам повышения квалификации; 6) участие в работе коллегиальных органов (коллегии администрации области, комиссий, рабочих групп) и т. д.

Итак, формирование и работа с резервом управленческих кадров – очень сложная и кропотливая работа. Однако в современных реалиях построения

экономики знаний, инновационной экономики, основным ресурсом которой становится человек как носитель интеллектуального капитала, она становится стратегическим приоритетом конкурентоспособности региона.

Именно наличие подготовленных управленцев, способных и готовых решать поставленные задачи, могут гарантировать реализацию кадровой стратегии субъекта и Российской Федерации в целом.

Библиографический список

1. Бухвальд Е. М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России / Е. М. Бухвальд // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 6. – С. 108–113.
2. Современные кадровые технологии в органах власти : монография / под общ. ред. С. Е. Прокофьева [и др.]. – М. : Юстицинформ, 2015. – 662 с.

References

1. Bukhval'd E. M. Development Institutions and New Priorities of Regional Policy in Russia. *Teoriya i Praktika Obshhestvennogo Razvitiya*. 2014. No. 6. P. 108–113.
2. Modern Personnel Technology in Government. Ed. by S. E. Prokof'ev, A. M. Belyaev, S. G. Eremina. M., Yusticininform, 2015. 662 p.

Новиков Дмитрий Сергеевич

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ И УСТАНОВЛЕНИЮ МИРА**

Аннотация. Автор анализирует различные аспекты правового регулирования стадий создания и проведения миротворческих операций ООН, деятельности правового механизма универсальной организации. Рассмотрены особенности его использования за 70-летнюю историю проведения операций ООН по поддержанию мира.

Ключевые слова: миротворческие операции, ООН, правовое регулирование, правовой механизм, Совет Безопасности ООН.

Novikov Dmitriy S.

LEGAL SUPPORT FOR THE CONDUCT OF UN PEACEKEEPING OPERATIONS

Abstract. The author analyzes various aspects of the legal regulation of the stages of creation and conduct of UN peacekeeping operations, the activities of the legal mechanism of the universal organization. The features of its use for the 70-year history of UN peacekeeping operations are considered.

Key words: peacekeeping operations, UN, legal regulation, legal mechanism, UN Security Council.

Операции ООН по поддержанию мира проводятся с 1948 г., хотя изначально они так не именовались. Таким образом, практика проведения указанных операций насчитывает уже 70 лет.

Первая операция ООН с использованием вооруженных сил была проведена в 1956 г. во время Суэцкого кризиса. В ноябре 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании Чрезвычайных вооруженных сил ООН для Египта под руководством Генерального секретаря ООН. Хотя это противоречило Уставу ООН, СССР воздержался при голосовании, так как Египет дал на это согласие, считая, что войска ООН помогут предотвратить расширение агрессии. Вооруженные силы ООН были направлены в Египет не для борьбы с агрессией, а для выполнения других функций, которые и стали именоваться операциями по поддержанию мира.

Что же такое операции ООН по поддержанию мира? В научных исследованиях разных лет понятие «операции по поддержанию мира» изучалось как отечественными, так и зарубежными учеными. Устав ООН не дает его определения. Впервые данное понятие получило правовое закрепление в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в 1965 г.

В Большом юридическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева и В. Е. Крутских операции ООН по поддержанию мира определяются как меры и действия с использованием вооруженных сил или военных наблюдателей, принимаемые Советом Безопасности ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности².

Некоторые авторы определяют операции ООН по поддержанию мира в зависимости от ведения или неведения ими боевых действий. Отдельные оте-

² Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2000.

чественные правоведы под операциями ООН по поддержанию мира понимают действия, предусмотренные Уставом ООН, в случае угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, находящиеся в компетенции Совета Безопасности.

Зарубежные авторы также рассматривали проблемы проведения операций ООН по поддержанию мира и предлагали их определения.

Например, Э. Х. Аречага под операциями ООН по поддержанию мира понимает «операции военного и полувосвоенного характера», в ходе которых не ведутся боевые действия.

Д. И. Старке считает, что в широком смысле слова операции ООН по поддержанию мира служат средством против эскалации напряженности. Поэтому термин «поддержание мира», по его мнению, не совсем удачен. Более точным в случае участия в подобных обстоятельствах, при отсутствии решения Совета Безопасности о принудительных действиях, следует признать термин «международные силы, группы или миссии», которые могут быть направлены ООН в зоны конфликтов с функциями по восстановлению или по поддержанию мира или предупреждения ухудшения ситуации. Ясно, что в случае отправки таких межпозиционных сил, когда Совет Безопасности не принимает решения о принудительных действиях, необходимо согласие государства пребывания как о месте нахождения этих сил, их функций, доставки припасов, так и о характере контактов с конфликтующими сторонами или силами.

Л. Фабиан рассматривает операции ООН по поддержанию мира как наблюдение за прекращением огня, патрулирование границ, наблюдение за разъединением войск, гарантирова-

ние перемирия, разведение враждебных армий на безопасную дистанцию, обеспечение внутренней безопасности и сохранение важнейших функций управления¹.

Боевой устав Армии США следующим образом определяет миротворческие операции: «проводимые с согласия всех основных воюющих сторон военные или полувосвоенные операции, целью которых является контроль и обеспечение выполнения существующего соглашения о перемирии, а также поддержка дипломатических усилий в целях достижения долгосрочного политического урегулирования»².

Операции ООН по поддержанию мира осуществляются с согласия Генеральной Ассамблеи либо Совета Безопасности ООН при наличии мандата Совета Безопасности и проводятся главным образом в целях: наблюдения за условиями перемирия, прекращения огня или военных действий; обеспечения разъединения вооруженных сил в конфликте; содействия законному правительству в предотвращении вооруженного вмешательства извне или ликвидации последствий такого вмешательства; недопущения дальнейшей интернационализации конфликта; обеспечения оказания гуманитарной помощи с согласия или по просьбе принимающего государства.

В 1991 г. английские исследователи Б. Рассел и Дж. Саттерлин в результате анализа ряда миротворческих операций ООН пришли к выводу, что спорадическое создание сил ООН по поддержанию мира носит характер «импровизации»,

¹ Подробнее см. об этом: Новиков С. С. Миротворческие миссии ООН на Балканах. 1991–1998 гг. Владимир, 2004. С. 115.

² Цит. по: Новиков С.С. Указ. соч. С. 116.

ибо всем им были присущи дилетантизм, отсутствие четких организационных стандартов, нарушение порядка, предусмотренного Уставом ООН для действий по мирному разрешению международных споров и борьбе с угрозой миру и нарушением мира¹. Видимо, не случайно, по мнению Кофи Аннана (который до избрания на должность Генерального секретаря ООН был заместителем по вопросам миротворчества), «почти невозможно дать определение такой технике действий (имеются в виду миротворческие операции – Примеч. авт.), которая меняется почти каждый раз, когда ее применяют на практике. В результате растянувшейся во времени импровизации “миротворчество” использовалось то для расследования положения дел в нестабильных регионах, то для контроля за соблюдением перемирия и прекращения огня в том или ином месте, то для верификации выполнения соглашений, то для установления буферных зон между враждебными армиями, то для помощи в создании условий, необходимых для реализации трудновыполнимых соглашений и обеспечения гуманитарной помощи местному населению, страдающему от возникшей войны»².

Недостаточное правовое урегулирование статуса операций ООН по поддержанию мира ведет к различному их толкованию, что на практике приносит отрицательные результаты. Было бы более правильно, если бы этот термин заложили в Хартию ООН, а не действо-

вали бы от существующей практики. Преимущество обычного смысла, в котором термин «операции по поддержанию мира», как правило, используется СМИ, состоит в том, что он передает идею, которую люди, по их мнению, понимают. Соответственно, выражение «операция по поддержанию мира», с одной стороны, обозначает традиционные операции по поддержанию мира, с другой – операции по принуждению к миру. Вместе с тем эти два термина относятся к существенно различающимся концепциям в Хартии ООН: первый – для использования Секретариатом (прежде всего согласно гл. 6), а второй – Советом Безопасности (согласно спецификациям гл. 7 или 8).

Роль вооруженных сил ООН в операциях по поддержанию мира иная, чем при осуществлении принудительных действий ООН. Они не ведут военные действия против воюющих сторон, вооружены легким оружием и применяют его лишь для самообороны. Войска наблюдают за прекращением военных действий, как и военные наблюдатели ООН, а также используются для разъединения противоборствующих сторон, создания буферных зон между ними и т. п. Руководит миротворческими операциями Генеральный секретарь ООН со своим аппаратом. Он же назначает командующего операциями. Миротворческие операции ООН (как миссии наблюдателей, так и использование вооруженных сил) осуществлялись только с согласия государств – участников вооруженного международного конфликта или противоборствующих сторон в случае немеждународного вооруженного конфликта. Согласие сторон является принципиальным отличием проведе-

¹ *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 76–86.

² *Annan K.* Renewal amid Transition // Annual Report on the Work of the Organization. New York, 1997. P. 56.

ния миротворческих операций ООН от принудительных мер ООН¹.

Операции ООН по поддержанию мира, хотя начало их было связано практически с поддержкой агрессора и осуществлялись они вопреки Уставу ООН, в дальнейшем сыграли полезную роль, способствуя урегулированию вооруженных конфликтов, ослаблению военного противостояния сторон, снижению числа жертв, особенно среди мирного населения, уменьшению разрушений как в международных, так и немеждународных вооруженных конфликтах. Функции вооруженных сил, используемых при миротворческих операциях ООН, расширяются особенно в последние годы.

Споры о правовой основе международных операций в конфликтных регионах начались с момента проведения первых таких операций в 40-х гг. XX в. и неоднократно обострялись в связи с тем, что западные страны пытались использовать вооруженные силы в операциях по поддержанию мира в обход Совета Безопасности, где СССР имел право «вето».

Говоря о правовой базе миротворческих операций, иногда ссылаются на ст. 39 и 40 Устава ООН, признающие право Совета Безопасности принимать меры, чтобы предотвратить ухудшение какой-либо ситуации. В ст. 5 и 50 Устава ООН отмечается, что Совет Безопасности может предпринимать действия превентивного или принудительного характера. Генераль-

¹ На этой основе зиждется и Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности».

ный секретарь ООН Даг Хаммаршельд считал, что миротворческие операции опираются на идеи, вытекающие из сопоставления содержания гл. 6 Устава о мирных средствах разрешения споров и гл. 7 – о принудительных действиях ООН для поддержания мира. При толковании международных договоров, следовательно, и Устава ООН можно утверждать, что если Совет Безопасности ООН имеет право применять для поддержания мира принудительные меры с использованием вооруженных сил, то он может применять любые меры, предшествующие принудительным, к каковым относятся миротворческие операции.

Следует, однако, отметить, что указанные дебаты относительно содержащейся в Уставе ООН правовой базы для проведения операций по поддержанию мира сейчас не имеют практического значения. За 70-летний опыт проведения миротворческих операций ООН сложились практика их осуществления и соответствующие международно-правовые нормы, которые развиваются и изменяются в связи с расширением диапазона миротворческих операций. Важно лишь, чтобы эти правила соответствовали основным принципам Устава ООН – использованию Организацией вооруженных сил по решению Совета Безопасности и при его должном контроле над действиями Генерального секретаря ООН, который практически руководит проведением операций по поддержанию мира.

Главный вопрос, который сейчас возникает: где грань между миротворческими операциями и принудительными действиями ООН? От ответа на этот вопрос зависит, имеют ли право региональные организации проводить

в своем регионе миротворческие операции без разрешения (полномочий) Совета Безопасности. А это затрагивает СНГ и действия России.

Принудительные действия ООН (с применением или без использования вооруженных сил) могут осуществляться только по решению Совета Безопасности. Направляемые в этом случае вооруженные силы ведут военные операции и их функции совершенно иные, чем у вооруженных сил, участвующих в миротворческих операциях ООН (решения о проведении таких операций от имени ООН также должны приниматься Советом Безопасности).

В последние годы растет число миротворческих операций ООН во внутригосударственных, немеждународных вооруженных конфликтах. Так, из 5 операций в начале 1988 г. 4 были связаны с межгосударственными вооруженными конфликтами и лишь 1 (20 % от общего числа) – с локальными. Из 21 операции, проведенной после 1988 г., лишь 8 связаны с межгосударственными, а 13 (62 %) – с внутренними конфликтами. Из 13 операций, начатых с 1992 г., 11 операций связаны с внутренними конфликтами (82 %) и лишь 2 – с межгосударственными.

Расширяются и функции вооруженных сил, направляемых ООН для участия в миротворческих операциях во внутригосударственных вооруженных конфликтах. Они все чаще применяют военную силу, участвуют в «вытеснении» сопротивляющихся вооруженных группировок, осуществляют «превентивную самооборону». В июне 1993 г. войска ООН применили в Сомали военную силу против одной из вооруженных группировок (насильственное

установление мира). В составе войск ООН было 25 тыс. чел.

В 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила Специальный комитет по операциям по поддержанию мира (далее: Специальный комитет) в составе 33 государств (резолюция 2006 (XIX) от 18 февраля 1965 г.). В задачи Специального комитета входило всестороннее рассмотрение практики проведения указанных операций ООН и разработка рекомендаций. В ходе работы Специального комитета Запад стремился создавать такие правила, которые позволяли бы им обходить Совет Безопасности при использовании вооруженных сил. Против этого выступали СССР, социалистические страны, ряд развивающихся государств, настаивавших на соблюдении Устава ООН и усилении роли Совета Безопасности. В 1973 г. в Специальном комитете была достигнута договоренность по 12 вопросам, решения по которым должен принимать Совет Безопасности. К ним относятся: санкционирование операции; определение ее цели и выдача мандата на проведение; определение характера консультаций и помощи, которые необходимы Совету Безопасности в связи с проведением операции, продолжительности операции, ее финансовых аспектов, численности направляемого контингента; соглашение с участвующими в операции сторонами и принимающей страной; одобрение списка возможных командующих; санкционирование назначения заместителя командующего; высшее руководство и контроль в ходе операций, последующих изменений в ее проведении.

В 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН создала Комитет для рассмотрения предложений, касающихся пере-

смотра Устава ООН (далее: Комитет) (резолюция 3349 (XXIX) от 17 декабря 1974 г.). В дальнейшем задачи Комитета были расширены, и он стал также рассматривать вопросы проведения миротворческих операций ООН, анализируя их и внося предложения по совершенствованию этой деятельности.

Комитет ежегодно представляет Генеральной Ассамблее ООН доклады, на основе которых разрабатываются и совершенствуются правила проведения миротворческих операций ООН.

Таким образом, за последние годы в ООН сложились правила проведения операций по поддержанию мира. Работа по их совершенствованию и развитию с учетом опыта проведения таких операций продолжается. В ходе каждой операции появлялись новые черты, вытекающие из специфики той страны, где осуществлялись операции. На основе этих правил проводились операции по поддержанию мира в различных районах мира, где возникали вооруженные международные и немеждународные конфликты, а именно: направление вооруженных сил ООН по поддержанию мира в Ливан (с 1978 г.), в связи с вооруженным конфликтом между Ираком и Ираном (1988–1991 гг.), в Намибию (1989–1990 гг.), Анголу (с 1991 г.), Камбоджу (с 1992 г.), Сомали (с 1992 г.), Мозамбик (с 1992 г.). Наряду с войсками (военнослужащими), стали направляться и полицейские для поддержания порядка в стране, а также гражданские лица с целью организации деятельности государственных органов там, где она была нарушена в ходе внутреннего вооруженного конфликта. Наглядным примером этого является операция в Камбодже.

Следует отметить, что хотя решение о проведении операций ООН по поддержанию мира принимается Советом Безопасности, практически их осуществлением руководит Генеральный секретарь ООН с помощью своего аппарата. Он же назначает командующего операцией, который действует по инструкциям Генерального секретаря ООН, подчиняется ему. Эта практика, как отмечалось, расходится с Уставом ООН, согласно которому вооруженными силами ООН должен руководить Совет Безопасности с помощью Военно-штабного комитета (последний в настоящее время практически бездействует). Для руководства операциями в Секретариате ООН создан специальный отдел (Департамент проведения операций по поддержанию мира), который является основным органом Генерального секретаря ООН по этим вопросам. Задачи Департамента очень широкие: планирование операций и оказание помощи Генеральному секретарю ООН в их проведении, наблюдение за обстановкой, складывающейся в районе проведения операции, разработка планов использования вооруженных сил ООН, а также программ обучения и подготовки военного и гражданского персонала для участия в операциях и т. д.¹

Решение о проведении операций ООН по поддержанию мира принимает

¹ Департамент имеет разветвленную структуру, в частности, в него входят: Центр слежения за обстановкой в «горячих точках», а также региональные отделы: Африки, Азии и Ближнего Востока, Европы, Латинской Америки и т. д. Возглавляет департамент заместитель Генерального секретаря ООН. Численность сотрудников Департамента превышает 300 чел. и будет возрастать в связи с более активным участием ООН в миротворческой деятельности.

Совет Безопасности. Он же утверждает мандат для проведения операции, в котором формулируются задачи операции, сроки ее проведения и ряд других указанных выше положений, касающихся данной операции. В заявлении председателя Совета Безопасности от 3 мая 1994 г. вновь указывается, какие принципы должны учитываться при проведении операции и формулирования их мандата, в частности, существует ли соглашение сторон вооруженного конфликта о прекращении огня и их готовность к выполнению мандата операций (документ Совета Безопасности от 3 мая 1994 г. S/PRST/1994/22).

При анализе мандатов Совета Безопасности на проведение операций обычно подчеркивается, что мандат должен периодически пересматриваться в зависимости от изменения обстановки. Кроме того, Совету Безопасности необходимо регулярно предоставлять информацию о ходе операции. (Эти соображения полностью относятся к миротворческим операциям в СНГ – применительно к Совету глав государств СНГ, утверждающему мандат таких операций.)

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : Норма, 2000. 1235 с.
2. *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / Жданов Юрий Николаевич. – М., 1999. – 258 с.
3. *Новиков С. С.* Миротворческие миссии ООН на Балканах. 1991–1998 гг. : монография / С. С. Новиков. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2004. – 171 с.
4. *Annan K.* Renewal amid Transition: Annual Report on the Work of the Organization / K. Annan. – New York : United Nations, 1997. 77 p.

References

1. Large legal dictionary. Ed. by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. M., Norma, 1235 p.
2. *Zhdanov Yu. N.* Coercive Measures in International Law. M., 1999. 258 p.
3. *Novikov S. S.* UN Peacekeeping Missions in the Balkans. 1991–1998. Vladimir, VYul FSIN Rossii, 2004. 171 p.
4. *Annan K.* Renewal amid Transition: Annual Report on the Work of the Organization. New York, United Nations, 1997. 77 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.1

Ахмедов Микаэль Насреддинович

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект развития института не-доносительства о преступлении в отечественном уголовном законодательстве. Проводится сравнительный анализ УК РСФСР и УК РФ, предусматривающих ответственность за данное негативное явление. Аргументируется вывод о нравственном обосновании и законодательной регламентации ответственности за несообщение о преступлении.

Ключевые слова: преступление, донос, несообщение, уголовное право, ответственность.

Akhmedov Mikae'l N.

NON-MESSAGE OF CRIME IN DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. The article discusses the historical aspect of the development of the institute of non-information on crime in Russian criminal law. A comparative analysis of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation, providing for liability for this negative phenomenon. The conclusion about moral justification and legislative regulation of responsibility for failure to report a crime is argued.

Key words: crime, denunciation, failure to report, criminal law, responsibility.

На современном этапе в Российской Федерации уровень преступности, включая тяжкие и особо тяжкие преступления, остается стабильно высоким. Аналогичная тенденция сохраняется и в отношении латентной преступности, при этом ее уровень постоянно возрастает, составляя на текущий момент 60 %.

Помимо высокой латентности преступности и низкой раскрываемости определенных преступлений, ситуацию усугубляет еще и факт наличия лиц, которые хоть и не принимали фактического участия в данных преступлениях, но их поведение повлияло на раскрываемость последних либо могло

привести к более тяжким последствиям, в сравнении с уже наступившими.

В 2016 г. в действующий УК РФ был внесен ряд существенных изменений. В числе прочего законодателем были криминализованы некоторые деяния, представляющие опасность для общества. Особенного внимания заслуживает ст. 205.6 УК РФ, в соответствии с которой ответственность предусмотрена и за прикосновенность к преступлению. Ее действие распространяется на тех, кто, достоверно зная о готовящемся преступлении, не сообщил об этом в уполномоченные органы власти. Следует особо отметить, что данная норма включает в себя закрытый перечень преступлений, в слу-

чае несообщения о которых субъекту грозит уголовная ответственность. Примечание к рассматриваемой статье содержит пункт, базирующийся на ст. 51 Конституции РФ, предусматривающий, что уголовная ответственность не распространяется на лиц, которые не уведомили о совершении преступления или подготовке к нему, если в нем замешан супруг либо близкие родственники. Стоит заметить, что это примечание было обоснованно раскритиковано научным сообществом.

В то же время, анализируя ст. 205.6 УК РФ, нельзя сказать, что речь идет о чем-то совершенно новом для российского законодательства.

Ответственность за недонесение (несообщение) о преступлении была предусмотрена еще в Соборном уложении 1649 г. В ст. 18 и 19 данного документа указывалось, что в случае недонесения о преступлениях, которые носят политический характер (речь шла о подготовке покушений на жизнь царя, организации заговоров, восстаний и прочих тяжких преступлений), виновному грозит смертная казнь. Несобщению об уголовных преступлениях отдельного уголовно-правового значения не придавалось. Наказание за него было таким же, как и для тех, кто совершил само преступление.

Аналогичные положения, предусматривающие ответственность за несообщение о государственных и военных преступлениях, содержались и в Артикуле воинском 1715 г. К таким преступлениям относили шпионаж либо готовящуюся государственную измену (артикул 129), хранение и распространение подстрекавших к бунту листовок (артикул 136), подготовку преступлений против царя (артикул 19) и ряд об-

щеуголовных преступлений. Причем наказание за неуведомление о подготовке преступлений было строже, чем за недонесение о тех, которые уже совершились¹.

Упоминание о лицах, прикосновенных к преступлению, в том числе и о недоносителях, имеется и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, в ст. 17 этого документа указывалось, что прикосновенными к преступлению признаются и те, которые, зная об умышленном или уже о содеянном преступлении и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности.

Статья 190 УК РСФСР 1960 г. также предусматривала ответственность за недонесение и содержала в себе перечень преступных деяний, несообщение о которых влекло за собой уголовную ответственность.

Изначально в УК РФ 1996 г. не содержалось статьи «Несообщение о преступлении». Но следует заметить, что в первом проекте УК, внесенном в Верховный Совет Президентом РФ 19 октября 1992 г., такая норма имелась. Речь идет о ст. 275, в которой указывалось: «Несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном тяжком или особо тяжком преступлении — наказывается штрафом до десяти минимальных размеров оплаты труда, или исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет. Примечание: не подлежат уголовной ответственности за несообщение о преступлении супруг

¹ Амельчаков О. И. Несобщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социал.-полит. науки. 2017. № 5. С. 156.

и близкие родственники лица, совершившего преступлении».

В дальнейшем в новые проекты УК РФ эту норму не включали, и в принятой в 1996 г. редакции УК РФ она отсутствовала.

Проведение сравнительного анализа ст. 190 УК РСФСР и ст. 205.6 УК РФ позволяет констатировать, что, несмотря на определенную схожесть, они имеют ряд существенных различий. В первую очередь следует указать на различие в диспозициях этих норм. Действующий УК РФ рассматривает это преступление как деяние общественного характера, советский – личностного. В советском УК предусматривалась ответственность для тех, кто не сообщил об убийстве, изнасиловании и пр. Новые нормы такого не предусматривают.

Второй момент – это различие в названиях составов преступлений, предусмотренных данными нормами (недонесение и несообщение). Третье – это охват преступлений, за несообщение о которых лицу может грозить наказание. В действующем УК РФ к ним относят лишь преступления, которым присущ исключительно террористический характер. Четвертый момент – в УК РФ дан перечень конкретных органов, несообщение в которые имеющейся информации расценивается как преступное. Пятое – в примечании к ст. 205.6 УК РФ представлен перечень лиц, на которых не распространяется действие этой статьи¹.

Положениями ст. 61, 65 Конституции СССР 1977 г. предусматривалось, что долгом советского гражданина бы-

ли сохранение и укрепление социальной собственности. Бережное отношение к народному добру, борьба с расточительством и хищениями общественного и государственного имущества вменялось в обязанности каждого гражданина СССР. Он должен был непримиримо относиться к любому антиобщественному поступку, оказывать всю возможную помощь правоохранителям. Современное законодательство такие обязанности на граждан РФ не возлагает. И даже, напротив, в ст. 33, 45, 55 Конституции РФ прописывается, что вопросы обеспечения безопасности являются прерогативой государства. Таким образом, содействие расследованию и раскрытию преступлений не вменяется в обязанности простых граждан, если федеральным законом не предусмотрено иное.

В то же время отношение ученых к данной уголовно-правовой норме в течение длительного периода было неоднозначным. Они разошлись во мнении о том, необходимо ли вообще устанавливать уголовную ответственность для лиц, не сообщивших о преступлении. По мнению одной группы, это является нецелесообразным ведь «недонесение поглощается соучастием или укрывательством», поэтому нет необходимости в такой статье. Другие считают, что правоохранительные органы имеют широкий арсенал возможностей, позволяющий не принуждать граждан доносить на других лиц.

Многих ученых беспокоит, что наличие статьи «несообщение о преступлении» по своей сути аморально. Некоторые лица могут использовать данный инструмент, чтобы отомстить другим, в результате мы можем столк-

¹ Крутикина Ю. А. Проблемы «несообщения о преступлении» // Закон и право. 2018. № 7. С. 131.

нуться с тотальным «стукачеством» и недоверием в обществе.

По утверждению В. С. Прохорова, прикосновенность к преступлению – «это общественно опасная деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления, которая препятствует изобличению преступника». По мнению Н. С. Таганцева, речь в данном случае идет лишь о внешнем отношении и связи между прикосновенным и преступлением. Это и является его ключевым отличием от участия, которое подразумевает внутреннее отношение между преступлением и совершившим его человеком.

Е. А. Свинаярева, как и ряд других ученых, особо акцентирует внимание на том, что хотя этот вопрос и является дискуссионным, но поведение прикосновенных лиц вредит обществу, препятствует отправлению правосудия, предупреждению преступных действий, изобличению лиц, виновных в их совершении, и т. д.¹

С нашей точки зрения, говорить об аморальности в данном случае неуместно. Все так называемые переживания человека по поводу того, что он может стать «стукачом» моментально исчезают, когда преступление затрагивает его личные права и свободы.

Как и в случае с любым другим преступным действием, принято выделять объект и субъект несообщения о преступлении, также ему присущи субъективная и объективная стороны.

В качестве объективной стороны преступного деяния можно назвать само отсутствие факта сообщения право-

охранительным органам о готовящемся либо совершенном преступлении. В данном случае прослеживается факт очевидной не реализации возможности выполнить моральный долг и защитить общество от возможной угрозы.

Как объект преступления рассматривается безопасность социума в целом либо определенных его представителей.

В качестве субъекта преступного действия может выступать гражданин, достигший 14-летнего возраста. Здесь мнения экспертов расходятся. Большинство представителей научной общности настаивает на том, что лица четырнадцатилетнего возраста еще не в состоянии осознавать степень ответственности. Но в то же время в соответствии с законодательством нести ответственность человек начинает именно с этого возраста. Причем санкции, применяемые к несовершеннолетнему, аналогичны тем, что используются в отношении взрослых людей. Возникают серьезные сомнения в целесообразности установления ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ, с 14 лет. Тем более, что отмечается своего рода парадокс: ответственность за совершение ряда преступлений, которые предусмотрены ст. 205.1, 205.2, ч. 1 ст. 208, ст. 220, 221, 278, 279 УК РФ, наступает с 16 лет, а за недонесение о них – с 14.

Субъективной стороной ст. 205.6 УК РФ предполагается, что имеется прямой умысел. Это обусловлено тем, что гражданин, осознавая, что владеет информацией о совершении преступления, предусмотренного данной статьей, имеет намерение скрыть ее посредством несообщения. При этом

¹ Цит. по: Шуба Е. С. Прикосновенность к преступлению: несообщение о преступлении // Актуал. вопр. борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 15.

факт осознания человеком своего поведения, когда он скрывает важную информацию, свидетельствует о том, что он желает действовать именно так.

В рассматриваемой статье нет указания на то, о каком сроке идет речь при недонесении о преступлении. Таким образом, не совсем ясно, на протяжении какого времени лицо, владеющее соответствующей информацией, должно уведомить о ней правоохранительные органы.

Важную роль играет тот факт, как закрепляет ст. 205.6 УК РФ момент окончания данного преступления. Следует отметить, что преступления такого рода отнесены законодателям к длящимся. Юридически фактом окончания признается момент, когда получены достоверные сведения о лице, которое осуществляет подготовку либо уже совершило преступление и при этом гражданин, обладающий такой информацией и имеющий реальную возможность сообщить о ней в органы власти, не сделал этого. Если речь идет о готовящемся либо совершаемом преступлении, то несообщение длится до того момента, пока это преступление не будет совершено.

Касаемо лица, совершившего преступление, несообщение будет длиться до того момента, пока лицо не прекратит преступление на добровольной основе, например, явившись с повинной в правоохранительные органы, или не будет вынесен обвинительный приговор, прекращено дело и т. д. Данный подход применяли и ранее в процессе квалификации по ст. 190 УК РСФСР, воспринимая его как правоприменительную практику.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что появление в действующем УК РФ статьи, в соответствии с которой предусматривается ответственность за несообщение о преступлениях, имеющих террористический характер, нельзя воспринимать как юридическую новеллу. Скорее, напротив, это можно трактовать как своего рода возвращение в прошлое. Однако с учетом современных реалий развития законодательства и общества в целом потребность в таком возврате можно обосновать необходимостью усиления охраны граждан от разрастающейся террористической угрозы и изыскать новые механизмы, которые бы позволили предотвратить теракты.

Библиографический список

1. Амельчаков О. И. Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве / О. И. Амельчаков // Социал.-полит. науки. – 2017. – № 5. – С. 156–159.
2. Крутикина Ю. А. Проблемы «несообщения о преступлении» / Ю. А. Крутикина // Закон и право. – 2018. – № 7. – С. 131–136.
3. Шуба Е. С. Прикосновенность к преступлению: несообщение о преступлении / Е. С. Шуба // Актуал. вопр. борьбы с преступностью. – 2016. – № 3. – С. 15–17.

References

1. Amel'chakov O. I. Failure to Report a Crime in the Domestic Criminal Law. *Social'nopoliticheskie Nauki*. 2017. No. 5. P. 156–159.
2. Krutikina Yu. A. Problems of «Failure to Report a Crime». *Zakon i Pravo*. 2018. No. 7. P. 131–136.
3. Shuba E. S. Sense of Crime: Failure to Report a Crime. *Aktual'ny'e Voprosy' Bor'by' s Prestupnost'yu*. 2016. No. 3. P. 15–17.

Вершинина Татьяна Викторовна

**ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ
ПРИ ПРИНЯТИИ СУДОМ ПРОМЕЖУТОЧНОГО РЕШЕНИЯ
И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируются причины имеющих место в судебной практике в ходе уголовного судопроизводства случаев нарушения принципа презумпции невиновности до вынесения итогового решения по делу, их последствия и проблемы, которые возникают в связи с этим. Предлагаются возможные пути их преодоления с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ и стандартов Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, презумпция невиновности, промежуточное судебное решение, процессуальная гарантия, защита лица, стандарты Европейского суда по правам человека, правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Vershinina Tat'yana V.

**CONSEQUENCES OF A BREACH OF THE PRINCIPLE OF THE PRESUMPTION
OF INNOCENCE BY THE COURT IN MAKING AN INTERIM SOLUTION,
AND HOW TO OVERCOME THEM**

Abstract. The article analyzes the causes that occur in judicial practice in criminal proceedings violations of the presumption of innocence until a final decision on the case, their consequences and the problems that arise in this context, suggests possible ways to overcome them, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and standards of the European Court of human Rights.

Key words: accused, suspect, the presumption of innocence, the interim judgment, the procedural safeguards, face protection, standards of the European Court of Human Rights, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

*Bene facit cui ex
aliorum erroribus sibi
exemplum sumat (лат.)¹.*

Принцип презумпции невиновности закреплен в ст. 49 Конституции РФ, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности

лица толкуются в пользу обвиняемого.

Фактически аналогично принцип изложен в ст.14 УПК РФ, в которой его содержание конкретизировано указанием, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ч. 2), обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (ч. 4).

Несмотря на то, что в ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 и 3 ст. 14 УПК РФ речь идет об обвиняемом, данная норма

© Вершинина Т. В., 2018

¹ Умно поступает тот, кто учится на чужих ошибках.

полностью распространяется на подозреваемого.

Принцип презумпции невиновности в качестве гарантии права на справедливое судебное разбирательство включен в ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее: Конвенция), согласно которой каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Презумпция невиновности в истолковании Европейским судом по правам человека (далее: ЕСПЧ) совпадает с содержанием ст. 49 Конституции РФ, воплощением ее в ст.14 УПК РФ и судебной практике.

В деле Барбера, Мессеги и Ябардо против Испании ЕСПЧ приведено, что принцип презумпции невиновности предполагает, *inter alia*, что при выполнении своих обязанностей члены суда не должны исходить из предвзятого мнения, что обвиняемый совершил вменяемое ему в вину преступление; задача доказать это лежит на обвинении, и любое сомнение толкуется в пользу обвиняемого².

В настоящей статье презумпция невиновности будет рассмотрена как процессуальная гарантия, которая применяется в контексте уголовного преследования и предусматривает защиту лиц до постановления в отношении

них обвинительного приговора, применительно к промежуточным судебным актам.

Понятие промежуточного судебного решения закреплено в п. 53.3 ст. 5 УПК РФ, включает в себя все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения. Например, судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении срока ее действия, о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности, о возвращении уголовного дела прокурору, о наложении ареста на имущество, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности и др. Этими решениями уголовное дело не разрешается по существу или по нему не завершается производство в отношении конкретного лица.

Соблюдение принципа презумпции невиновности направлено исключительно на защиту и обеспечение прав, свобод и охраняемых законом интересов участников уголовного процесса³.

При анализе автором судебной практики случаи несоблюдения данного принципа в большей мере усмотрены при принятии постановлений по мере пресечения (с учетом положений п.1 и 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Полагаем, это обусловлено тем, что вынесение судебного решения (в этом случае – безусловно) допускается только после проверки судом обоснованно-

¹ Заключена в Риме 4 ноября 1950 г., ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998г. № 54-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г.

² Моул Н., Харби К., Алексеева Л. Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии. М., 2001. С. 89.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 245-О-Г // Вест. Конституц. Суда РФ. 2018. № 4.

сти подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Причем, обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 24.05.2016 № 23) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» обращено внимание следующее: проверка обоснованности подозрения не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению, судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое влечет отмену постановления. Вместе с этим Пленум отмечает, что, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Конституционный Суд РФ в своих решениях также неоднократно отмечал, что действующие правила избрания и продления судом меры пресечения в виде заключения под стражу не позволяют суду предрешать вину лица в совершении инкриминированного ему преступления (определения

от 24.03.2015 № 676-О, от 28.01.2016 № 16-О, от 25.05.2017 № 970-О и др.).

ЕСПЧ аналогично проводит различие между заявлениями судов, указывающими на виновность, и заявлениями судов, просто отражающими возникшие подозрения, и делает вывод о допустимости последней категории заявлений до вынесения по делу в отношении обвиняемого окончательного решения¹.

В постановлении ЕСПЧ от 23.10.2008 по делу Хужин и другие против России отмечено, что последовательный подход ЕСПЧ заключается в том, что презумпция невиновности нарушается, если судебный акт или заявление публичного должностного лица относительно обвиняемого в совершении преступления отражает мнение о том, что он виновен, до того, как его вина установлена в соответствии с законом. Даже в отсутствие формального вывода может быть достаточно указания в мотивировочной части, позволяющего предположить, что суд или должностное лицо считает обвиняемого виновным. Коренное различие должно отделять предположение о том, что некто лишь подозревается в совершении преступления, и прямое заявление, до признания виновности судом о том, что лицо совершило указанное преступление².

Таким образом, для суда установлены: с одной стороны, запрет на обсуждение вопроса о виновности лица, с другой – обязанность проверить и оце-

¹ При этом после вынесения оправдательного приговора заявления суда о сохраняющихся подозрениях в отношении лица ЕСПЧ расценивает как нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции. См., напр.: *Sekanina v. Austria*, A 266-A (1993).

² Российские хроники Европейского Суда. 2009. № 3.

нить представленные органом предварительного расследования сведения на наличие в них достаточных данных о причастности лица к совершенному преступлению. Эти сведения могут быть установлены из ходатайства должностного лица и приобщенных к нему материалов (протоколов осмотра места происшествия, выемки и др., заключения эксперта, иных документов, протоколов допроса, т. е. в силу ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательств).

Поэтому порой тяжело «пройти по тонкой грани», одновременно мотивируя вывод об обоснованности подозрения и не вдаваясь в оценку виновности лица в совершении преступления.

В УПК РФ отсутствует специальная норма, содержащая требования к описательно-мотивировочной части постановления суда на досудебной стадии производства (в отличие, например, от ст. 305 и 307 УПК РФ применительно к описательно-мотивировочной части приговора). В этом случае суду следует исходить из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, в силу которой определения суда, постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными, руководствоваться разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в частности, от 05.03.2004 № 1 (в ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ», от 1.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпри-

нимательской и иной экономической деятельности», от 10.02.2009 № 1 (в ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которыми определены обстоятельства, подлежащие судебной проверке, и, соответственно, результаты которой должны найти отражение в судебном акте. При этом вышеприведенные постановления Пленума не содержат разъяснений о необходимости проверки судом подозрения лица в совершении преступления.

Рассмотрим несколько примеров судебных актов, в которых принцип презумпции невиновности был нарушен.

Постановлением Кольчугинского городского суда Владимирской области от 25.07.2018 по ходатайству следователя Г., обвиняемому в совершении четырех преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 2 месяца, в числе иных сведений судом было принято во внимание, что Г. преступления совершал на протяжении длительного периода. Апелляционным постановлением Владимирского областного суда от 03.08.2018 постановление суда изменено, из его описательно-мотивировочной части исключено указание на то, что Г. преступления совершал на протяжении длительного периода, поскольку суд при рассмотрении вопроса о мере пресечения не вправе предрешать выводы по вопросам, которые могут стать предметом судебного разбирательства уголовного дела по существу¹.

¹ Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 03.08.2018 по материалу № 22-1616/2018 в отношении Г.

Еще пример. Постановлением Ленинского районного суда г. Владимира от 09.09.2018 по ходатайству следователя Б., обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст.139, п. «в» ч. 2 ст.127 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 14 суток. В апелляционной жалобе защитник А., ссылаясь на незаконность судебного решения, привел в числе иных довод о том, что, указав в судебном решении в категоричной форме о совершении Б. преступлений, суд предрешил вопрос о его виновности. Апелляционным постановлением Владимирского областного суда от 14.09.2018 постановление районного суда изменено, из его описательно-мотивировочной части исключено при описании обстоятельств совершения уголовно наказуемых деяний указание на их совершение Б., поскольку эта формулировка подразумевает совершение Б. данных преступлений¹.

Следующий пример связан с вынесением судебного решения в порядке ст.125 УПК РФ. Постановлением Гороховецкого районного суда Владимирской области от 17.08.2015 жалоба представителя потерпевшего Х. на постановление следователя СО ММ ОМВД России «Вязниковский» о возбуждении уголовного дела в отношении С. по признакам ч. 4 ст.160 УК РФ была оставлена без удовлетворения. Апелляционная жалоба на судебное решение принесена представителем потерпевшего П. Судом второй инстанции было выявлено, что, отказывая в удовлетворении жалобы заявителя, в описательно-мотивировочной части суд сослался

¹ Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 14.09.2018 по материалу № 22-1892/2018 в отношении Б.

на то, что в ходе расследования уголовного дела установлено совершение данного преступления С. и таким образом допущена формулировка, которая может свидетельствовать о виновности лица, в отношении которого оценивается принятое следователем решение об уголовном преследовании².

Практика исправления рассматриваемой судебной ошибки складывается по-разному: в одних случаях (и их большинство) постановление суда первой инстанции вышестоящим судом изменяется³, в других – отменяется с принятием нового судебного решения (применительно к апелляционному производству)⁴.

При ответе на вопрос «Какое решение является наиболее правильным?», необходимо исходить из того, насколько допущенное нарушение повлияло на законность и обоснованность судебного акта в целом, уяснить, будет ли постановление (с учетом внесенных в него изменений) отвечать требованию справедливости, принимая во внимание положения ст. 49 Конституции РФ,

² Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 07.10.2015 по материалу № 22-2242/2015 по жалобе П.

³ См., напр.: Обзор практики применения судами Амурской области требований закона при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога (утв. президиумом Амурского областного суда от 09.04.2013).

⁴ См., напр.: апелляционное постановление Владимирского областного суда от 24.02.2015 по материалу № 22-487/2015 в отношении А., которым после отмены постановления суда первой инстанции принято решение об избрании в отношении А. меры пресечения в виде заключения под стражу на срок 1 месяц 28 суток с исчислением срока ее действия с даты, в которую А. задержан по подозрению в совершении преступления.

ст. 14 УПК РФ и стандарт ЕСПЧ относительно ст. 6 Конвенции.

Поэтому, исходя из конкретного случая, возможно принятие решения об изменении, а возможно и об отмене судебного акта. Бесспорным остается одно: судья, который принял промежуточное судебное решение и допустил нарушение принципа презумпции невиновности, не может рассматривать уголовное дело в отношении этого же лица по существу, поскольку имеются объективные и достаточные сомнения в его беспристрастности.

Ярким примером этого является уголовное дело в отношении Роменского А. В., который был осужден за убийство по приговору Динского районного суда Краснодарского края от 10.12.2001, и по жалобе которого ЕСПЧ в постановлении от 13.06.2013 установлено нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции. Заявитель при обращении в ЕСПЧ жаловался на то, что не был судим беспристрастным судом, и что суд нарушил его право на презумпцию невиновности, признав виновным до окончания судебного разбирательства, поскольку за десять дней до вынесения приговора и до окончания исследования судом первой инстанции доказательств по делу судом было принято определение от 30.11.2001, в котором указано, что «...Роменский совершил тяжкое преступление...». 27.03.2002 Краснодарский краевой суд, заседавая в качестве суда кассационной инстанции, оставил без изменения приговор, заключив, что виновность заявителя достаточно установлена в судебном заседании, и отсутствующую существенные нарушения процессуального или материального права, которые могли бы обусловить его пересмотр. ЕСПЧ по

данному делу сформулирован правовой стандарт, согласно которому вполне нормально, что судья рассматривает и отклоняет ходатайство об освобождении, поданное содержащимся под стражей подсудимым. При этом в соответствии с Конвенцией и национальным законодательством судья обязан определить наличие обоснованного подозрения против подсудимого и не должен оценивать, виновен ли он. Роль суда ограничена установлением наличия подозрения, которого может быть недостаточно для доказывания виновности подсудимого вне всякого разумного сомнения, но которое связывает подсудимого, его действия, местонахождение и т. д. с объективной стороной дела. Применительно к делу Роменского ЕСПЧ пришел к выводу, что районный суд своим определением от 30.11.2001 вышел за эти пределы. Формулировка оспариваемого определения не просто описывает статус подозрения, она предполагает, что заявитель уже признан виновным районным судом, без каких-либо ограничений или оговорок, при этом вывод российского суда был недвусмысленным, с учетом чего опасения заявителя по поводу наличия у судьи предубеждения по делу объективно подтвердились.

В этом же постановлении ЕСПЧ сформулировал имеющую значение правовую позицию о том, что разбирательство, взятое в совокупности, может считаться справедливым, если недостатки первоначального разбирательства впоследствии устраняются судами апелляционной инстанции. По делу в отношении Роменского приговор суда первой инстанции был проверен вышестоящим судом, однако тот

не рассмотрел довод заявителя о предполагаемой пристрастности суда первой инстанции и лишь отклонил все его процессуальные доводы как необоснованные, не принял мер для устранения опасений заявителя по поводу пристрастности районного суда¹.

Согласно прецедентной практике ЕСПЧ в сферу действия п. 2 ст. 6 Конвенции подпадают и предвзятые заявления (а не только процессуальные решения), сделанные в отношении человека, которому предъявлено уголовное обвинение, как до, так и после начала судебного разбирательства².

Так, относительно заявлений, сделанных вне рамок судебного разбирательства, ЕСПЧ в деле *Lavent v. Latvia* установил подобное нарушение, когда судья, которая рассматривала дело по существу, сказала в интервью прессе до окончания судебного разбирательства, что она не уверена в том, вынести ли обвиняемому обвинительный приговор по всем или только по некото-

рым эпизодам, и выразила изумление тем, что он полностью отрицал свою вину³. По мнению ЕСПЧ, кроме заявления судей, предвзятые замечания адвоката или свидетелей также могут дать основания предполагать нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции, если отсутствие контроля за такими заявлениями со стороны суда указывает на его предубежденность.

Применительно к рассматриваемой теме представляют интерес правовые позиции ЕСПЧ, которыми сообщением о прежних судимостях обвиняемого до вынесения ему обвинительного приговора не расценивается как нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции⁴.

Подводя итог, следует отметить, что принцип презумпции невиновности является гарантией права на справедливое судебное разбирательство. Не случайно юридическое содержание принципа закреплено в Конституции РФ, что подчеркивает его особую значимость. Нарушение презумпции невиновности является судебной ошибкой, которая может быть исправлена в ходе судебного разбирательства вышестоящим судом.

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Роменский против Российской Федерации» от 13.06.2013. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М., 2017. С. 620.

³ Там же. С. 627.

⁴ Там же. С. 624.

Библиографический список

1. Моул Н. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство / Н. Моул, К. Харби, Л. Б. Алексеева // Прецеденты и комментарии. – М.: Рос. акад. правосудия, 2001. – С. 89–92.
2. Харрис Д. Право Европейской конвенции по правам человека / Д. Харрис, М. О'Бойл, К. Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2018. – 1432 с.

References

1. Moul N., Kharbi K., Alekseeva L. B. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Article 6. The right to a fair trial. *Precedents and comments*. М., Rossijskaya Akademiya Pravosudiya, 2001. P. 89–92.
2. Harris D., O'Bojl M., Uorbrik K. European Convention on Human Rights. М., Razvitie Pravovy'kh Sistem, 2017. 1432 p.

УДК 343.102

Денисенко Леонид Владиславович,
Гриненко Александр Викторович

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется общая характеристика технических средств в уголовном судопроизводстве, основные понятия, задачи, цели и принципы применения технических средств. Рассмотрен порядок регулирования применения технических средств в процессуальных действиях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, технические средства, законодательство, процессуальные действия.

Denisenko Leonid V.,
Grinenko Aleksandr V.

SOME PROBLEMS OF USING OF TECHNICAL MEANS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

Abstract. In the present article the author has investigated a general characteristic of technical means in criminal legal proceedings. The basic concepts, tasks, the purposes and forms of use of technical means, in the sphere of criminal legal proceedings are investigated. It is considered at the legislative level an order of regulation of use of technical means in procedural actions.

Key words: criminal legal proceedings, technical means, legislation, procedural actions.

Применение технических средств в уголовном судопроизводстве развивалось нарастающими темпами на протяжении всего XX столетия. В настоящее время скорость внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов достаточного количества технических средств различного назначения и применения увеличилась настолько, что современное законодательство не успевает адаптироваться. В связи с этим возникают затруднения в использовании новейших технических средств в борьбе с преступностью. И, как следствие этого, эффективность работы по раскрытию и расследованию преступлений без должной законодательной базы в сфере применения технических средств

сильно ограничена. Отсутствие достаточной правовой базы для широкого и повсеместного использования технических средств в уголовном судопроизводстве влечет за собой появление правовых и процессуальных проблем, которые оказывают огромное влияние на эффективность производства процессуальных действий.

Повсеместное использование технических средств и специальных познаний на этапе расследования или даже предупреждения правонарушений увеличивают возможности по сбору, исследованию и оценке доказательств.

Действующий УПК РФ в вопросах применения технических средств существенно не отличается от УПК РСФСР. В большинстве случаев изменения коснулись наиболее часто при-

меняемых средств фиксации, таких как видео- и киносъемка, фотографирование, аудиозапись, стенографирование.

Анализируя нормы УПК РФ, можно заключить, что нет универсальных положений, которые включали бы условия допустимости применения технических средств, как нет среди основных понятий и конкретного определения, что понимается под техническими средствами.

На практике может возникнуть ситуация, когда применение технических средств, не указанных в законе, может сделать их недопустимыми. Хотя в законе не может и не должен указываться полный перечень всех современных технических средств. Поэтому предложенные когда-то криминалистами такие методы, как одорологический метод, метод гипноза и полиграф не нашли поддержки у большинства процессуалистов. Этот пример демонстрирует, какое влияние могут оказывать личные суждения на возможность допустимого, правомерного и эффективного использования различных технических новинок.

Отметим, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в отличие от УПК РФ, закреплены условия, допускающие применение специальных технических средств. Так, в п. 3 ст. 6 отражено, что для проведения оперативно-розыскных мероприятий возможно применение информационных систем, ведение видео- и аудиозаписей, кино- и фотосъемки, а также использование других технических или иных средств, которые не наносят ущерб жизни и здоровью людей и не причиняют вреда окружающей среде. Данное положение также указывает и на то, что пе-

речь специальных видов технических средств, которые могут быть применены в процессе оперативно-розыскной деятельности устанавливается Правительством РФ.

Современные процессуальные нормы, регламентирующие применение технических средств, не отличаются единой целостной системой. Они рассредоточены по тексту УПК РФ. Не предусматривая конкретного определения понятия «технические средства», законодатель определил цели использования технических средств. Такое противоречивое понимание вкупе с отсутствием соответствующего правового регулирования значительно снижают эффективность практического применения технических средств.

Одновременно с этим использование технических средств в уголовном судопроизводстве определяется тем, что параметры технических средств позволяют объективно фиксировать и сохранять сведения, полученные в результате следственных действий. И так как современные технологии постоянно совершенствуются, то и постоянно появляются все новые и новые разновидности технических средств, которые нуждаются не только в осмыслении, но и в создании условий и возможностей их практического применения. В то же время доказательственная ценность собранной с помощью новых технических средств информации должна соответствовать всем требованиям относимости, допустимости и достоверности, которые уголовно-процессуальное законодательство предъявляет ко всем доказательствам. А это значит, что для правомерного использования в полном объеме собранной в процессе доказы-

вания информации, полученной при помощи технических средств, появляется острая необходимость в разработке полноценной системы принципов их применения.

Сама идея разработки принципов применения технических средств давно не нова. На протяжении многих лет теории изучают сферу применения технических новинок. Так, В. А. Образцов к отраслевым принципам применения технических средств относит: «правомерность, научную обоснованность, безопасность, рациональность и продуктивность, соблюдение установленного порядка и условий применения, фиксации хода и результатов применения»¹.

Е. А. Федюнин предлагает следующую систему принципов применения технических средств.

«1. Общеправовые (конституционные, международно-правовые) принципы – это принципы в области прав и свобод человека и гражданина, которые общепризнаны в международном праве и закреплены в международных договорах РФ и Конституции РФ.

2. Уголовно-процессуальные принципы – это принципы, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве и определяющие особенности и порядок применения технических средств.

3. Прикладные принципы – это принципы, определяющие правомерность и обоснованность применения технического средства в каждом конкретном случае в зависимости от его

конструктивных особенностей, технических характеристик и назначения»².

На основе анализа различных точек зрения ученых-процессуалистов касаясь классификации принципов уголовного процесса можно сделать вывод о том, что для системы применения и использования различных технических средств и способов работы с доказательствами наиболее эффективной представляется система отраслевых (прикладных) видов принципов, которая была описана и предложена В. А. Образцовым.

В научной литературе встречаются различные определения сущности технических средств. Например, еще в советский период криминалистами особо выделялся термин «техническое средство». Р. С. Белкин понимал под ним «устройство, приспособление или материал, используемый для собирания и исследования доказательств или для создания условий, затрудняющих совершение преступлений»³. Одновременно с этим понятием в научной литературе часто встречается и такой термин, как «научно-технические средства». Однако понятие «научно-технические средства» рассматривается с точки зрения методологии как более узкое, по сравнению с понятием «технические средства», и включает в себя только те средства, которые применяются в уголовном судопроизводстве и имеют четкое научное обоснование, при этом не включает в себя некоторые технико-криминали-

¹ Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 341.

² Федюнин А. Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 52.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов : в 3 т. 3-е изд., доп., М., 2001. Т.1. С. 232.

стические средства (например, щуп, фонарик, линейку). Прежде всего, это обусловлено тем, что научно-технические средства представляют собой не вспомогательные средства, они имеют более существенное значение, так как применяются исключительно в процессе раскрытия и расследования преступлений¹.

¹ Цомая С. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 34.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : [б. и.], 2001. – 3 т.
2. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. – М. : Юристъ, 1997. – 760 с.
3. Федюнин А. Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Федюнин Антон Евгеньевич. – Саратов, 2008. – 389 с.
4. Цомая С. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Цомая Сосо Давидович. – М., 2007. – 239 с.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что на современном этапе появилась острая потребность дальнейшего совершенствования норм относительно применения информации, полученной с помощью технических средств. А это позволит комплексно рассмотреть проблему и принять меры по совершенствованию законодательства, а именно: сформулировать определение понятия «технические средства», разрешить вопросы, связанные с их правовой природой и теоретическим описанием и более детально регламентировать их применение.

References

1. Belkin R. S. Forensics Course. In 3 vol. M., s. n., 2001.
2. Forensics. Ed. by. V. A. Obrazczov. M., Yurist', 1997. 760 p.
3. Fedyunin A. E. Legal Regulation of the Use of Technical Means in the Field of Criminal Proceedings. Saratov, 2008. 389 p.
4. Czomaya S. D. Legal Regulation and Evidentiary Value of the Use of Scientific and Technical Means in Criminal Proceedings. M., 2007. 239 p.

УДК 343.1

Лазарева Лариса Владимировна

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем реализации прав и свобод участниками уголовного судопроизводства при назначении и производстве судебной экспертизы. С учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации обосновывается возрастающая роль специальных знаний в правообеспечительном механизме. Сформулированные в статье выводы и предложения могут быть использованы в правотворчестве при совершенствовании законодательства, регламентирующего вопросы использования специальных знаний.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, назначение экспертизы, производство экспертизы, заключение эксперта, судебный эксперт.

Lazareva Larisa V.,

SPECIAL KNOWLEDGE AS A TOOL TO PROTECT THE RIGHTS AND INTERESTS OF CITIZENS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of the realization of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings in the appointment and production of forensic examination. Given the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, the growing role of special knowledge in the law enforcement mechanism is substantiated. The conclusions and proposals formulated in the article can be used in law-making in improving the legislation governing the use of special knowledge.

Key words: special knowledge, forensic examination, examination appointment, examination production, expert opinion, forensic expert.

Права и свободы человека в современной Российской Федерации как демократическом государстве являются главной ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Тем не менее, как известно, реализация принципа приоритета прав и свобод человека, первообеспечительных механизмов осуществляется в России достаточно непоследовательно, отмечается большое количество нарушений и неразрешенных проблем в обозначенной сфере.

Наиболее ощутимо права и законные интересы личности затрагиваются в уголовном судопроизводстве, поскольку здесь возможно применение

различных мер уголовно-процессуального принуждения, привлечение лица к уголовной ответственности. Кроме этого, в уголовное судопроизводство вовлекаются не только лица, совершившие преступление и пострадавшие от них, но и другие участники, которые также обладают правами и нуждаются в надежной защите в соответствии с современными требованиями. Поэтому уголовное судопроизводство должно осуществляться в русле создания надлежащих уголовно-процессуальных гарантий для всех участников.

Как известно, основная форма использования специальных знаний – судебная экспертиза, при производ-

стве которой могут затрагиваться права лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Объем этих прав не вполне достаточен, а реальные гарантии непосредственно связаны с механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина. Правоприменительная практика при назначении и проведении судебных экспертиз обозначила ряд проблем по соблюдению прав и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовный процесс.

Одна из проблем связана с несоблюдением нормы закона, требующей ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы. Данная норма играет роль не только гарантии реализации прав участников процесса, но и гарантии быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений. Производство судебной экспертизы начинается вынесением постановления о ее назначении. Часть 3 ст.195 УПК РФ предусматривает ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъяснение им прав, предусмотренных ст.198 УПК РФ.

Исследование проблемы позволяет утверждать об обязанности следователя ознакомить обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы до его направления в экспертное учреждение, так как после проведения экспертизы это теряет свою актуальность, что подтверждается мнением других ученых. Действительно, отсутствие информации о назначенных экспертизах, о поставленных перед экспертами вопросах, о том, кто производит экспертизу, несвоевременное получение сведений о резуль-

татах экспертиз, бесспорно, затрудняет обвиняемому и его защитнику возможность осуществлять доказывание ради защиты своих интересов.

Полагаем, что отмеченные положения действующего уголовно-процессуального законодательства должны применяться с учетом толкования, данного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно в своих решениях обращал внимание на обязанность органов расследования ознакомить обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы. Примером может служить определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 429-О.

В другом определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 762 также указывается на то, что ознакомление участников процесса с постановлением о назначении экспертизы после ее производства расценивается, как нарушение принципов состязательности и равноправия, а также недопустимым нарушением права на защиту.

Таким образом, можно утверждать о принципиальной позиции Суда: «Указанное процессуальное действие должно быть осуществлено до начала производства экспертизы – иначе названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст.198 УПК РФ. Требования ч. 3 ст. 195 УПК РФ распростра-

няется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на досудебной стадии судопроизводства во всех случаях».

К сожалению, как показывает проведенный анализ правоприменительной практики, данное требование закона не соблюдается. В лучшем случае оно выполняется после проведения экспертизы, т. е. одновременно с заключением эксперта. Не вызывает возражений тот факт, что проведение процедуры ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении экспертизы после ее производства расценивается как недопустимое нарушение не только права на защиту, но и принципа состязательности и равноправия сторон. Однако эта, казалось бы, бесспорная точка зрения не находит понимания на практике.

Мы убеждены в необходимости законодательно сделать все, чтобы посредством правоприменения можно было бы обеспечить реализацию субъектами правоотношений своих прав. Вместе с тем, на наш взгляд, не вполне обоснована постановка вопроса о признании недопустимым заключения эксперта в случае несвоевременного ознакомления участников уголовного процесса с постановлением о назначении экспертизы, если это не отразилось на полноте, всесторонности и объективности проведенного исследования, а выводы эксперта не вызвали возражений с их стороны.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека, о чем свидетельствует его решение по делу «Климентьев против Российской Федерации» от 16 ноября 2006 г..

Особую актуальность данная проблема приобретает на стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на то, что п. 58 ст. 5 УПК РФ определяет участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе, т. е. на всех стадиях, в том числе при возбуждении уголовного дела, лица, принимающие участие на данном этапе уголовного судопроизводства – заявитель, лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, – не включены в перечень участников уголовного судопроизводства, изложенный в гл. 6–8 УПК РФ. Сложившаяся правовая неопределенность положения указанных лиц способствует при производстве судебной экспертизы еще большему ограничению их прав и свобод. До сих пор остается неурегулированным вопрос о том, когда и в какой срок указанные лица смогут реализовать свое право на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта.

В этой связи вызывает недоумение очередная законодательная новелла, предоставляющая стороне защиты и потерпевшему право заявить ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, которое должно быть обязательно удовлетворено. Заметим, что при этом указанные в ст. 207 УПК РФ основания назначения дополнительной и повторной судебной экспертизы могут отсутствовать. Можно предположить, что в данном случае подобный шаг со стороны защиты или потерпевшего вызван только желанием реализовать свои права при назначении судебной экспертизы, которых они были лишены на стадии возбуждения уголовного дела. Вполне возможно, что

именно эта идея была использована законодателем при формулировании диспозиции ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

Другой не менее важной проблемой является реализация прав и законных интересов участников экспертного исследования. Речь идет о возможности присутствия при производстве судебной экспертизы участников уголовного процесса. Так, присутствовать при производстве судебной экспертизы могут подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, но только с разрешения следователя (ст. 198 УПК РФ). Следует подчеркнуть, что перечисленные участники процесса могут присутствовать только в ходе исследовательской части. Не допускается присутствия участников процесса при составлении экспертом заключения и формулировании выводов.

Подозреваемый, обвиняемый, а также его защитник могут давать объяснения эксперту, относящиеся к предмету экспертизы. Чаще всего они присутствуют при экспертизах, связанных со служебной деятельностью. Это вполне оправданно, так как полученные своевременно объяснения будут сразу же учтены и проверены экспертом.

В подтверждение сказанного свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетирования адвокатов. 20 % респондентов заявили, что в своей практике были случаи, когда они присутствовали при производстве судебной экспертизы. В качестве целей своего присутствия они назвали следующие: наблюдение за действиями эксперта, уточнение сути происходящего, дача пояснений эксперту в случае необходимости.

Следует заметить, что действующее уголовно-процессуальное законода-

тельство предоставляет право присутствовать при производстве экспертизы только участникам процесса, т. е. лицам, допущенным к участию в деле и занимающим определенное положение. Возникает вопрос: могут ли при производстве судебной экспертизы присутствовать лица, участвующие в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении? Согласно ч.1 ст.144 УПК РФ при производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела принимать участие в ее производстве могут только дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Возникает коллизия, которая требует своего скорейшего законодательного разрешения. Полагаем, что пока законодателем не будут выработаны механизмы защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, до возбуждения уголовного дела могут быть назначены только диагностические экспертизы.

Пока можно только предполагать, как данная ситуация будет разрешена законодателем, но в любой случае мы убеждены, что право присутствовать при производстве судебной экспертизы должно ограничиваться в зависимости от вида экспертизы. Так, вопрос о присутствии потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц должен решаться однозначно – если указанные лица сами не являются объектом экспертизы, они не должны присутствовать при исследовании. Более того, не следует органу (лицу), принимающему решение о собственном присутствии или о присутствии иных перечисленных участников уголовного процесса при производ-

стве экспертиз такого рода, злоупотреблять своим правом. По мнению экспертов-психиатров и психологов, занимающихся проблемами подростковой психиатрии и психологии, при производстве судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз не следует присутствовать кому бы то ни было, чтобы не разрушать создаваемый психологический климат, поскольку само по себе присутствие постороннего лица способно нанести ущерб и сильно осложнить проведение исследования.

Наше убеждение подтверждается позицией высшей судебной инстанции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебно-экспертизе по уголовным делам», в котором разъясняется, что «участники судебного разбирательства по их ходатайствам с согласия суда вправе присутствовать при про-

изводстве экспертного исследования, производимого вне зала судебного заседания, за исключением случаев, когда суд по ходатайству эксперта сочтет, что данное присутствие будет препятствовать производству экспертизы».

Таким образом, вышеизложенное с очевидностью свидетельствует о том, что вопрос об обеспечении при назначении и производстве судебной экспертизы прав лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, нуждается в дальнейшем исследовании с точки зрения достаточности его процессуальных возможностей влиять на ход и результаты расследования. Как будет дальше – покажет практика. В этой связи представляется полезным вносимые поправки и изменения в УПК РФ подвергать критическому анализу на предмет их обоснованности, эффективности, соответствия фундаментальным положениям науки.

Библиографический список

1. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Лазарева Лариса Владимировна. – Владимир, 2011. – 470 с.
2. Лазарева Л. В. Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы регулирования и реализации / Л. В. Лазарева // Судеб. экспертиза. – 2015. – № 3. – С. 10–22.
3. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. – 2-е изд. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 208 с.

References

1. Lazareva L. V. Conceptual Framework for the Use of Special Knowledge in Russian Criminal Proceedings. Vladimir, 2011. 470 p.
2. Lazareva L. V. The Production of Forensic Examination at the Stage of Initiation of a Criminal Case: Problems of Regulation and Implementation. *Sudebnaya E'kspertiza*. 2015. No. 3. P. 10–22.
3. Shejfer S. A. Investigative Actions. System and Procedural Form. 2nd ed. M., Yurlitinform, 2001. 208 p.

Самылов Юрий Валентинович

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются проблемы защиты прав и свобод человека в административном судопроизводстве, связанные с разным процессуальным порядком судебной защиты, необходимостью более четкого разграничения предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ, определения понятия субъективного публичного права, предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека, цивилистическая природа, административная юстиция, субъективное публичное право, частный интерес, административное судопроизводство, разграничение предмета ведения административного и гражданского судопроизводства.

Samy'lov Yuriy V.,

PROBLEMS OF THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Abstract. The article analyzes the problems of the protection of human rights and freedoms in administrative proceedings related to the different procedural order of judicial protection, the need for a clearer distinction between the subject matter of the CAS RF and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, definitions of the concept of subjective public law, suggests ways to improve the legislation.

Key words: protection of human rights and freedoms, civil nature, administrative justice, subjective public law, private interest, administrative court proceedings, delimitation of the subject matter of administrative and civil court proceedings.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Защита прав и свобод человека так же, как и само понятие «права и свободы человека», представляет собой правовую категорию, поскольку является установленным государством правилом возможного поведения, с той особенностью, что его целью и конечным результатом становится исключительно защита прав и свобод человека в рамках установленных и допускаемых правом форм защиты (юриди-

ческих, неюридических) и помощью установленных и допускаемых правом способов и средств защиты. Например, защита судом (форма защиты – ст. 11, ч. 1 ГК РФ) нарушенного права собственности на имущество путем восстановления положения существовавшего до нарушения права (способ защиты – ст. 12, ч. 1 ГК РФ).

Особое значение и место среди прав человека занимает право на судебную защиту. По смыслу ст. 22 и 46 Конституции РФ, определенному в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 г. № 6-П, право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека

вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства.

Судебная защита прав и свобод человека осуществляется в разных видах судопроизводства, включая административное, в рамках которого административные дела рассматривают и разрешают суды общей юрисдикции по правилам КАС РФ и арбитражные суды по правилам АПК РФ.

Поскольку судебная защита прав и свобод человека, осуществляется в разных видах судопроизводства и в разных ветвях судебной системы неизбежно возникают проблемы, связанные с различными аспектами судебной защиты. Поэтому некоторые проблемы защиты прав и свобод человека в административном судопроизводстве были выбраны в качестве предмета изучения, по результатам которого подготовлена настоящая статья.

Одна из проблем, которая видится автору, является проблема разного процессуального порядка судебной защиты прав и свобод человека в административном судопроизводстве.

Как отмечено выше, защита прав и свобод человека в рамках административного судопроизводства осуществляется в разных ветвях судебной системы, а именно, административные дела рассматривают и разрешают суды общей юрисдикции по правилам КАС РФ и арбитражные суды по правилам АПК РФ.

Такое положение само по себе оправдано, поскольку обусловлено различной материально-правовой природой подлежащих рассмотрению в судах административных дел, а также спецификой их субъектного состава.

Вместе с тем разный процессуальный порядок судебной защиты прав

и свобод человека в административном судопроизводстве, а именно, в арбитражном суде по правилам АПК РФ и суде общей юрисдикции по правилам КАС РФ, затрудняет доступ к правосудию, поскольку делает его более сложным в связи с необходимостью применения разных процессуальных кодексов. Правила административного судопроизводства в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах должны быть унифицированы.

Представляется, что в административном судопроизводстве процессуальный порядок судебной защиты прав и свобод человека в арбитражном суде и суде общей юрисдикции должен осуществляться только по правилам КАС РФ. В КАС РФ на законодательном уровне необходимо включить специальный раздел, посвященный рассмотрению и разрешению административных дел в арбитражном суде.

Это предложение соответствует положениям и духу Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1), в которой предлагается объединить ГПК РФ и АПК РФ в единый ГПК РФ. Аналогично специальные нормы АПК РФ, регулирующие административное судопроизводство, следует включить в единый кодекс – КАС РФ.

Другая проблема связана с тем, что судебная защита прав и свобод человека осуществляется в разных видах судопроизводства – гражданском и административном.

Это обусловило необходимость дачи разъяснений Верховным Судом РФ по

вопросу разграничения предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ.

Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу ч. 4 ст. 1 КАС РФ и ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, а также с учетом того, что гражданские права и обязанности возникают, в частности, из актов государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 8 ГК РФ), споры о признании таких актов недействительными (незаконными), если их исполнение привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, не подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Например, не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда.

Согласно указанному подходу существенно изменяется устоявшаяся судебная практика рассмотрения отдельных категорий дел, которые традиционно рассматривались в процедуре ГПК РФ по правилам публичного судопроизводства (например, дела о признании незаконными действий органов местного самоуправления о снятии с учета в качестве нуждающихся

в улучшении жилищных условий и т. п.), их теперь следует рассматривать как гражданские дела по правилам ГПК РФ, поскольку исполнение решений о признании незаконными действий органов местного самоуправления приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей.

При таком положении из сферы действия КАС РФ выпадают дела, в которых главным вопросом является не спор о праве гражданском, а именно проверка законности постановлений, действий (бездействия) органов публичной власти, которые в большинстве своем препятствуют реализации исключительно частных прав (частного интереса).

Полагаем, что для понимания потенциала, заложенного в КАС РФ, и более четкого разграничения предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ важно обратиться к истории административной юстиции.

Административная юстиция стала складываться в большинстве стран во второй половине XIX в. с целью контроля за публичной сферой, т. е. за сферой управления как форма данного контроля¹.

Российскому законодательству административная юстиция известна как одна из форм судебного контроля за неправомерными действиями государ-

¹ Пуунова В. И. Теоретические и организационные основания институализации административной юстиции в Российской Федерации // Актуал. проблемы рос. права. 2014. № 6. С. 1129–1135.

ственных органов, начиная с судебной реформы 1864 г.¹

В свое время М. С. Студеникина указала, что все существующие в мире типы административной юстиции объединяет то, что это форма контроля за законностью в сфере управления².

Вопросы административной юстиции были предметом исследования многих ученых. А. А. Ярцев отметил, что сегодня ученые-правоведы и юристы-практики определяют административную юстицию как «совокупность судебных органов различных видов и полномочий, а также как особую процедуру разрешения дел»³, реализующих судебный контроль за сферой властного публичного управления, призванный обеспечивать защиту субъективного публичного права (интереса).

В современной России административную юстицию можно определить как один из правоохранительных институтов государства в сфере управления и публичного права, включающий в себя систему судебных органов и присущий им процессуальный порядок защиты субъективного публичного права (интереса).

В системе судов общей юрисдикции таким присущим им процессуальным порядком защиты субъективного публичного права (интереса) с 15 сентября

2015 г. является административное судопроизводство по правилам КАС РФ.

Задачи и цели гражданского и административного судопроизводства как цивилистических процессов прежде всего связаны с необходимостью судебной защиты гражданских прав в широком смысле, основанных на нормах частного и публичного права.

По смыслу ст. 2 ГПК РФ целью гражданского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Следовательно, то, что в гражданском судопроизводстве (ст. 2 ГПК РФ) выступает в качестве цели – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, в **административном** судопроизводстве согласно п. 2 ст. 3 КАС РФ закреплено лишь как одна из задач рассмотрения **административного** дела.

Цель **административного** судопроизводства в законе не указана, однако основываясь на анализе правовой сущности административной юстиции, можно предположить, что целью **административного** судопроизводства является судебная защита правопорядка в сфере публичных правоотношений и обеспечение посредством судебного контроля законного режима государственного и муниципального управления.

Суд как ведомственно независимый государственный орган способен посредством предварительного и последующего судебного контроля в процессуальных рамках **администра-**

¹ Фролов С. В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

² Студеникина М. С. Административная юстиция: какой путь избрать в России // Рос. юстиция. 1996. № 5. С. 35.

³ Ярцев А. А. Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (зарубежный опыт административной юстиции) // Арбитр. и гражд. процесс. 2012. № 10. С. 44–47.

тивного судопроизводства обеспечить правопорядок в сфере публичных правоотношений и законный режим в сфере управления, т. е. достичь цели, которая намечена и рамках проводимой в России судебной и административной реформ.

Однако следует отметить, что административная реформа в 2010 г. не получила развития. Думается, это связано в том числе, и с невозможностью обеспечить законный режим в сфере управления лишь посредством ведомственного контроля, который не может быть объективным судьей в собственном деле.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» поставлена задача создания действенного механизма, обеспечивающего надлежащую и эффективную защиту прав граждан и организаций в сфере их взаимодействия с органами публичной власти.

Одним из главных средств решения указанной задачи стало с момента введения в действие КАС РФ 15 сентября 2015 г. установление в законе процедуры административного судопроизводства для разрешения споров, возникающих в сфере публичных правоотношений, и контроля за действиями и решениями органов публичной власти в ходе выполнения ими функций государственного и местного самоуправления.

Этому также способствовало бы получение судьями, рассматривающими административные дела в рамках административного судопроизводства, дополнительного образования в сфере государственного и муниципального управления, а также осуществление

административного судопроизводства в специализированных административных судах (такое возможно случится в будущем).

В публичных выступлениях председателя Верховного Суда РФ не раз обращалось внимание, в частности, на то, что споры с публичной властью не могут рассматриваться в исковом порядке ГПК РФ, потому что гражданин в данном случае «находится в неравном положении с властью» (Казань, 2011 г.; Москва, VIII Всероссийский съезд судей, 2012 г. и др.).

Сейчас же значительное число указанных споров, в которых движущей силой в спорных правоотношениях является, как правило, частный интерес (имущественный, жилищный, земельный и т. д.), реализовать который невозможно без властного повеления публичной власти, следует рассматривать также по правилам ГПК РФ, что неизбежно вызывает трудности в практическом разграничении предмета ведения ГПК РФ и КАС РФ.

В действующей редакции ГПК РФ не предусматривает специальную процедуру проверки законности решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц, наделенных властными полномочиями как формы судебного контроля за законностью их решений, действий (бездействия).

Указанные дела судами рассматриваются как обычные споры о праве гражданском. В результате значительный массив незаконных действий органов и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями в сфере государственного и муниципального управления, выпадает из статистического учета и специального судебного контроля, для которого, как полагаем,

и была разработана особая процедура административного судопроизводства по правилам КАС РФ. Следует также подчеркнуть, что гражданин, преследующий частный интерес в данных спорах, по-прежнему, как указывал ранее председатель Верховного Суда РФ, «находится в неравном положении с властью».

Проблема разграничения предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ, полагаем, во многом связана с тем, что в теории процессуального права недостаточно разработан вопрос о понятии и содержании субъективного публичного права, подлежащего защите в рамках административного судопроизводства.

В науке по вопросу понятия «субъективного публичного права» существует спор, который требует основательно-го научного разрешения, поскольку от правильного определения данного понятия во многом зависит точное определение предмета правового регулирования КАС РФ как процессуальной судебной формы защиты субъективного публичного права, а значит, также и четкое разграничение предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ¹. В данной работе мы не затрагиваем вопроса защиты публичных прав в чистом виде, где вопрос публичности субъективных прав не вызывает сомнений (например, защита субъективного публичного права на участие в референдуме граждан Российской Федерации).

Полагаем, что в большинстве споров защита субъективного публичного права, как правило, вызвана невыполнением органом публичной власти публично-правовой обязанности, свя-

занной с реализацией гражданином, организацией частных прав, частного интереса (иногда проявляемого косвенно, но не менее значимого), и чаще всего вызвана необходимостью осуществления последующего судебного контроля за соблюдением частных прав, частного интереса гражданина, организации при реализации органом публичной власти своих публично-правовых полномочий в связи с осуществлением соответствующих функций.

Защита публичных интересов государства в указанных спорах (правоотношениях) является другой немаловажной стороной медали, которая ни в коем случае не перекрывает частного интереса.

Соотношение того и другого в данных правоотношениях является интересной темой для современных научных исследований.

По нашему мнению, само субъективное публичное право в указанных правоотношениях становится таковым (публичным, а не частным) по большей части лишь в силу основанной на законе обязанности органа публичной власти совершить в отношении административного истца юридически значимые действия (например, поставить на учет на улучшение жилищных условий; поставить на регистрационный учет автомобиль; назначить пенсию; выдать удостоверение «Ветеран труда» и т. д.). Движущей же силой в указанных отношениях является, как правило, частный интерес (имущественный, жилищный, земельный и т. д.), реализовать который невозможно без властного повеления публичной власти.

Что касается понятия субъективного публичного права, то считаем, что субъективное публичное право являет-

¹ Сеницын С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. 2016. № 7. С. 20–37.

ся правом комплексным, содержащим в себе элементы не только публично-го, но и нередко частного интереса. Исходя из этого, правовая природа дел, подлежащих разрешению в административном судопроизводстве, носит цивилистический характер.

Как правильно заметил Е. Б. Лупарев, «оставляя за юрисдикционным органом определенную долю перераспределительных прав, юридические доктрины Европы (в том числе и России) в форме субъективных публичных прав защищают частные интересы от возможно искаженного государственного вмешательства»¹.

Именно этим вызвано то, что КАС РФ как процессуальный закон впитал в себя практически все нормы, институты ГПК РФ, изменив, дополнив и включив новые нормы лишь в связи с необходимостью специального правового регулирования, обусловленного совокупностью следующих факторов: правовая природа входящих в него дел и правоотношений; особый правовой статус субъектов; специфика средств и способов защиты.

Указанные факторы в совокупности и определяют вид цивилистического судопроизводства, гражданского или административного.

Там, где есть гражданское судопроизводство, всегда имеет место спор о праве гражданском, характеризующийся равенством сторон в спорных гражданских правоотношениях, автономией воли и имущественной самостоятельностью участников.

Там же, где – судопроизводство административное, правое положение

спорящих сторон в спорных правоотношениях характеризуется отношениями власти и подчинения, связывающими стороны в административных отношениях, основанных на управленческих функциях властного органа (должностного лица) и, как правило, регулируемых подзаконными актами (административными регламентами, инструкциями, положениями, закрепляющими властную компетенцию органа по отношению к другой стороне).

Административное судопроизводство, по нашему мнению, возможно и необходимо и в том случае, когда реализация частных прав (интереса) невозможна без возникаемых в связи с этим правоотношений, основанных на управленческих функциях властного органа (должностного лица), связывающих стороны властным, императивным повелением.

Например, постановлением главы местной администрации установлен публичный сервитут на часть земельного участка многоквартирного дома, один из собственников которого считает, что указанное постановление администрации нарушает его право на принадлежащий ему земельный участок, а также права и интересы местного самоуправления и местного населения города. Он обращается за защитой указанных прав в суд и просит признать постановление главы местной администрации города незаконным.

Полагаем, что при любом соотношении частного и публичного интереса в данных правоотношениях, если реализация частного права (интереса) вызвана необходимостью осуществления судебного контроля за соблюдением частных прав в связи с невыполнением органом публичной власти публично-

¹ Лупарев Е. Б. Понятие и признаки административно-правового спора // Журн. рос. права. 2002. № 2

правовой обязанности, возложенной на него законом, связанной с реализацией гражданином, организацией частных прав (интереса), данный судебный контроль должен осуществляться исключительно по правилам административного судопроизводства.

Более того, по нашему мнению, и в случаях возникновения судебных споров о гражданских правах и обязанностях, которые возникают, в частности, из актов государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 8 ГК РФ), споры о признании таких актов недействительными (незаконными), если их исполнение привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, также следует рассматривать в порядке, предусмотренном КАС РФ, для чего следует внести соответствующие изменения в действующее законодательство. В этом случае единственным критерием разграничения видов гражданского и административного судопроизводства станет лишь субъектный состав участников спорных правоотношений, что значительно упростит их правильное определение на практике. Еще более значимым последствием такого подхода будет то, что, наряду с разрешением судом спора о праве гражданском, будет также осуществлен судебный контроль за соблюдением частных прав, частного интереса гражданина, организации при осуществлении органом публичной власти соответствующих функций, с одной стороны, при реализации им своих публично-правовых властных полномочий и, с другой стороны, как равноправного субъекта гражданских правоотношений.

Специальный судебный контроль по правилам КАС РФ за актами (решениями, действиями, бездействием) государственных органов и органов местного самоуправления в случаях возникновения судебных споров о гражданских правах и обязанностях, которые возникают из указанных актов (ст. 8 ГК РФ), будет способствовать также противодействию коррупции в названных органах, поскольку одним из главных аспектов рассмотрения данных дел, которого нет в процедуре ГПК РФ, станет проверка законности решений (действий, бездействия) государственных органов и органов местного самоуправления.

Полагаем, что судебная защита прав и свобод человека в рамках административного судопроизводства по единым правилам КАС РФ, в том случае, когда реализация частных прав (интереса) невозможна без правоотношений, основанных на управленческих функциях властного органа (должностного лица), связывающих стороны властным, императивным повелением, обеспечит более эффективную защиту прав граждан и организаций в сфере их взаимодействия с органами публичной власти, чем судопроизводство по правилам ГПК РФ.

Указанные теоретические рассуждения вызваны тем, что четкое разграничение предмета ведения КАС РФ и ГПК РФ сейчас, пожалуй, является одной из главных проблем практического судебного правоприменения.

Библиографический список

1. Пиунова В. И. Теоретические и организационные основания институализации административной юстиции в Российской Федерации / В. И. Пиунова // Актуал. проблемы рос. права. – 2014. – № 6. – С. 1129–1135.
2. Сеницын С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе / С. А. Сеницын // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 20–37.
3. Студеникина М. С. Административная юстиция: какой путь избрать в России / М. С. Студеникина // Рос. юстиция. – 1996. – № 5. – С. 35.
4. Фролов С. В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Фролов Сергей Владимирович. – Н. Новгород, 2005. 27 с.
5. Ярцев А. А. Дискуссия вокруг создания административных судов в современной России (зарубежный опыт административной юстиции) / А. А. Ярцев // Арбитр. и гражд. процесс. – 2012. – № 10. – С. 44–47.

References

1. Piunova V. I. Theoretical and Organizational Basis of the Institutionalization of Administrative Justice in the Russian Federation. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava*. 2014. No. 6. p. 1129–1135.
2. Siničyn S. A. Subjective Public Rights: to the Development of the Question of the Concept and System. *Advokat*. 2016. No. 7. P. 20–37.
3. Studenikina M. S. Administrative Justice: Which Way to Choose in Russia. *Rossijskaya Yusticiya*. 1996. No. 5. P. 35–37.
4. Frolov S. V. Formation of the Institute of Administrative Justice in Pre-revolutionary Russia. N. Novgorod, 2005. 27 p.
5. Yarcev A. A. Discussion Around the Creation of Administrative Courts in Modern Russia (International Experience of Administrative Justice). *Arbitrazhny'j i Grazhdanskij Process*. 2012. No. 10. P. 44–47.

УДК 343.1

Цветкова Елена Владимировна

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости назначения судебно-медицинской и судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних на стадии возбуждения уголовного дела для правильного принятия решения по итогам проверки.

Ключевые слова: несовершеннолетние, проверка о сообщении преступления, судебные экспертизы, возраст, психическое состояние.

Czvetkova Elena V.

CONDUCTING FORENSIC EXAMINATIONS OF MINORS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Abstract. The article deals with the issue of the need to appoint a forensic and forensic psychological and psychiatric examination of minors at the stage of initiating a criminal case for a correct decision on the results of the inspection.

Key words: minors, crime reporting, forensic examinations, age, mental state.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен общий порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних с некоторыми особенностями, закрепленными в гл. 50 УПК РФ.

Повышенная заинтересованность, уделяемая правам несовершеннолетних, необходима для подростка, который в силу своего темперамента, чувствительной и эмоциональной неопытности требует осуществления особой охраны и заботы, в том числе должной правовой защиты.

Проведение проверки сообщения о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, не содержит каких-либо дополнительных разъяснений, что свидетельствует об общем порядке ее проведения.

Это правильное решение на стадии возбуждения уголовного дела, когда лицо, совершившее преступление,

не установлено. Однако если в ходе доследственной проверки устанавливается причастность несовершеннолетнего к общественно опасному деянию, необходимо убедиться, что он является субъектом преступления, поскольку в ч. 2 ст. 140 УПК РФ указано, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие признаков преступления.

Таким образом, в ходе предварительной проверки необходимо установить, что лицо, обладает определенными признаками, в связи с которыми оно может нести уголовную ответственность за совершение деяния.

Возраст лица устанавливается при помощи соответствующих документов. Если таковые отсутствуют, то проводится судебно-медицинская экспертиза. Уровень психического состояния, развитие и иные особенности личности выясняются в ходе производства ком-

плексной судебной психолого-психиатрической экспертизы¹.

В настоящее время законодатель в ч.1 ст. 144 УПК РФ наделил отдельных должностных лиц, правом при проверке сообщений о преступлении назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Именно должностному лицу принадлежит весь объем полномочий по назначению судебной экспертизы. Оно определяет объем и направление исследования, формулирует перед экспертом вопросы, предоставляет ему необходимые материалы и информацию.

В то же время, при соблюдении условий, указанных в ст. 75 и 89 УПК РФ, заключение эксперта, полученное до возбуждения уголовного дела, может быть использовано в дальнейшем в качестве доказательств (о чем закреплено в п.1.2 ст. 144 УПК РФ).

Проведение в отношении несовершеннолетних таких экспертиз, как судебно-медицинская и комплексная судебная психолого-психиатрическая в ходе доследственной проверки, существенно затягивает решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Часть 1 ст. 140 УПК РФ указывает на получение заключения эксперта в разумный срок, в то же время в ч. 3 ст. 140 УПК РФ указано, что срок проверки, в том числе и при необходимости получить заключение эксперта, может быть продлен только до 30 суток, что естественно не достаточно для выполнения подобных ис-

следований. И это несмотря на то, что должностное лицо может получать заключение эксперта в разумный срок, который законодателем не установлен.

В таком случае должностное лицо, установив лицо, совершившее преступление, определяет возраст по имеющимся у него документам и выносит постановление о возбуждении уголовного дела. При отсутствии документов уголовное дело возбуждается по факту совершенного преступления в отношении неустановленного лица. Вопросы, исключающие привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности в связи с его психическими, интеллектуальными и другими важными особенностями развития несовершеннолетнего, на стадии возбуждения уголовного дела не рассматриваются. Тем самым нарушаются его конституционные права и свободы, а также уголовно-процессуальные гарантии.

В ходе предварительного расследования по уголовному делу по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, следователь, дознаватель вновь возвращаются к вопросу о назначении и проведении указанных экспертиз. Однако в определенных случаях, регламентированных законом, несовершеннолетний наделяется правами и обязанностями одного из участников уголовного судопроизводства – подозреваемого или обвиняемого.

Так, в ст. 20 УК РФ указан возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет (ч. 1 указанной статьи). Этот возраст снижен до 14 лет в случаях, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Соответственно, если несовершеннолетний, совершивший преступления, не достиг установленного законом

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 // Рос. газ. 2011. 11 февр.

возраста, он освобождается от уголовной ответственности.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при производстве предварительного расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, особое внимание правоприменителя должно быть обращено не только на выяснение его возраста (число, месяц и год рождения); условия жизни и воспитания, но и на уровень психического развития и иные особенности его личности (ч.1 ст.421 УПК РФ).

В силу прямого указания ч. 2 ст. 421 УПК РФ по указанной категории дел важная роль отводится психолого-психиатрической экспертизе, особенно когда у лица, проводящего расследование, или адвоката возникает сомнение в умственном развитии подростка, в степени развития его интеллекта, в частности, для решения вопроса, могли ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Формулировка этой статьи по существу совпадает с ч. 3 ст. 20 УК РФ, но, в отличие от последней, не предусматривает освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

После получения заключения судебно-медицинской и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, в чьих выводах будут содержаться основания, причины, согласно которым несовершеннолетний не подлежит уголовной, должностное лицо, расследующее уголовное дело, обязано будет его прекратить в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ.

Указанные действия не соответствуют требованиям прежде всего Консти-

туции РФ, в которой декларируются принципы поддержки и защиты правовых гарантии безопасности детей, а также международных нормативных правовых актов, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Правила 11.1–11.3 Пекинских правил предусматривают, что при рассмотрении дел о несовершеннолетних правонарушителях следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти¹. Полиция, прокуратура или другие органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению, без проведения официального слушания дела судом, что позволяет ограничить негативные последствия процедуры отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Считаем, что срок рассмотрения сообщения о преступлении при необходимости производства судебно-медицинской и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении их к уголовной ответственности должен быть продлен до получения заключения эксперта.

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты на 96-м пленар. заседании Генер. Ассамблеи ООН 29 нояб. 1985 г. // Совет. юстиция. 1991. № 12-14.

Библиографический список

1. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Рос. газ. – 2011. – 11 февр.

2. *Цветкова Е. В.* Теория и практика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними (уголовно-процессуальный и организационный аспекты) : монография / Е. В. Цветкова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 184 с.

References

1. On the Judicial Practice of the Application of Legislation Regulating the Features of Criminal Liability and Punishment of Minors. Resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 1, 2011. no. 1. Rossijskaya Gazeta. 2011. Febr. 11.

2. *Czvetkova E. V.* Theory and Practice of Investigating Crimes Committed by Minors (Criminal Procedure and Organizational Aspects). М., Yurlitinform, 2015. 184 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедов Микаэль Насреддинович,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
кандидат юридических наук
E-mail: mikael_ahmedov@mail.ru

Борисова Ирина Дмитриевна,
заведующий кафедрой
теории и истории государства и права
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: idborisova@gmail.com

Вершинина Татьяна Викторовна,
судья Владимирского областного суда
E-mail: oblsud.wld@sudrf.ru

Головинская Ирина Викторовна,
профессор кафедры публично-правовых
дисциплин Владимирского юридического
института ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru

Головкин Роман Борисович,
профессор кафедры теории
и истории государства и права
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
доктор юридических наук, профессор
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Гриненко Александр Викторович,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
заслуженный юрист Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
E-mail: krimvggu@mail.ru

Akhmedov Mikael' N.,
Assistant Professor of Criminal Law Studies
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU,
PhD (Law)

Borisova Irina D.,
Head of Theory and History of State and Law
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Doctor of Law, Professor

Vershinina Tat'yana V.,
Judge Vladimir Regional Court

Golovinskaya Irina V.,
Professor of Public Law Studies Department
of the Vladimir Law Institute
of the FPS of Russia, Professor
of Criminal Law Studies Department
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU

Golovkin Roman B.,
Professor of Theory and History
of State and Law Department
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Doctor of Law, Professor

Grinenko Aleksandr V.,
Professor of Criminal Law Studies
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
Honored Lawyer of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor

Денисенко Леонид Владиславович,
аспирант Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: *krimvgyu@mail.ru*

Колесникова Юлия Павловна,
адъюнкт Академии права и управления
ФСИН России
E-mail: *kjuliank@mail.ru*

Капусткин Александр Сергеевич,
доцент базовой кафедры «Музейное дело»
Севастопольского государственного
университета
E-mail: *jus2012@yandex.ru*

Лазарева Лариса Владимировна,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: *Larisa_vui@pochta.ru*

Новиков Дмитрий Сергеевич,
доцент кафедры юридических дисциплин
Санкт-Петербургского института
повышения квалификации работников
ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: *diman.rg42@yandex.ru*

Новиков Михаил Васильевич,
заместитель директора
Юридического института
им. М. М. Сперанского
по научной работе ВлГУ
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *m_novikov@mail.ru*

Новикова Юлия Олеговна,
доцент базовой кафедры правового
и организационного обеспечения
бизнес-процедур Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: *ynovikova1902@yandex.ru*

Denisenko Leonid V.,
Post-graduate Student of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU

Kolesnikova Yuliya P.,
Post-graduate Student of Academy
of Law and Management
of the FPS of Russia

Kapustkin Aleksandr S.,
Assistant Professor of the Department
«Museum practice»
of the Sevastopol State University

Lazareva Larisa V.,
Professor of Criminal Procedure
and Criminalistics Department
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law, Professor

Novikov Dmitrij S.,
Assistant Professor of Law Studies
Department of the St. Petersburg Institute
for Advanced Studies of the FPS
of Russia PhD (Law)

Novikov Mikhail V.,
Deputy Director of the Law Institute
named after M. M. Speransky
of VISU
PhD (Law), Associate Professor

Novikova Yuliya O.,
Assistant Professor of Legal
and Organizational
Providing Business Procedures Department
of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (History), Associate Professor

Самылов Юрий Валентинович,
доцент базовой кафедры судебной дея-
тельности Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ,
судья Владимирского областного суда
E-mail: oblsud.wld@sudrf.ru

Цветкова Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин Юридического института
им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: cvetkova-e@mail.ru

Samy'lov Yurij V.,
Assistant Professor Court Activity
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU,
Judge of the Vladimir regional Court

Czvetkova Elena V.,
Assistant Professor of Criminal Law Studies
Department of Law Institute
named after M. M. Speransky of VISU
PhD (Law)